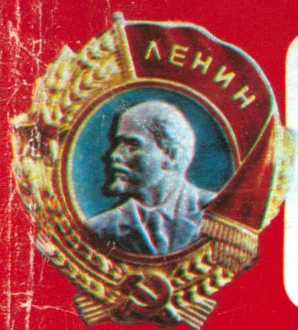

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 1 ЯНВАРЬ 1983

С Новым годом!

К ПАРЛАМЕНТАМ, ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИ

Мы, представители всех народов СССР, собравшиеся в Москве, чтобы торжественно отметить шестидесятую годовщину образования Союза Советских Социалистических Республик, от имени двухсот семидесяти миллионов советских людей обращаемся к парламентам, правительствам, политическим партиям и народам земли с этим посланием мира.

То, о чем веками мечтали лучшие умы человечества — преодоление национальной вражды и розни, подлинное равноправие и дружба различных наций,— стало явью в нашей стране благодаря ленинской политике Коммунистической партии и Советского государства, благодаря осуществлению социалистических принципов национальной и социальной свободы, ликвидации всех форм угнетения и эксплуатации.

Новые отношения между людьми, между нациями в социалистическом государстве определяют и внешнюю политику СССР. Наш идеал, наша неизменная цель и постоянная забота — всеобщий мир, дружба и сотрудничество между народами.

Великая Октябрьская социалистическая революция ознаменовала начало новой исторической эпохи. Сбросив социальный и национальный гнет, люди труда создали Страну Советов — государство, утвердившее братскую дружбу и равноправные отношения народов, обеспечившее для всех наций подлинную свободу, прогресс и процветание.

Прочный, надежный, устойчивый мир — это первая и самая настоятельная потребность всех людей, всех народов, всего человечества.

Требование мира приобретает особенно важное значение в нынешних условиях, когда государства располагают оружием, способным уничтожить человеческую цивилизацию, саму жизнь на земле, и когда угроза войны, которую удалось заметно отодвинуть в 70-х годах, снова стала усиливаться, а международная напряженность ощутимо нарастает.

Все усилия государств, активность правительств, организованных политических сил, всех граждан каждой страны должны быть обращены сейчас на то, чтобы не допустить ядерной катастрофы. Нет и не может быть более важного вопроса.

Мы, полномочные представители советского народа, торжественно заявляем, что Советский Союз, следуя ленинской политике мира и международного сотрудничества, сделает все от него зависящее для предотвращения войны.

Мы подтверждаем, что в соответствии с принятым на себя обязательством Советский Союз не прибегнет первым к применению ядерного оружия, и еще раз обращаемся к другим ядерным державам с призывом взять на себя такое же обязательство.

ПРАВИТЕЛЬСТВАМ,
ЯМ И НАРОДАМ МИРА

Мы заявляем о готовности Советского Союза заморозить на взаимной основе с Соединенными Штатами Америки арсеналы своего ядерного оружия.

Мы выступаем за быстрое и результативное завершение советско-американских переговоров об ограничении и сокращении стратегических вооружений и об ограничении ядерных вооружений в Европе, за быстрейшее достижение договоренности о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

Мы предлагаем безотлагательно договориться о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия с тем, чтобы больше не могли создаваться его новые виды и типы.

Мы выступаем за запрещение и уничтожение химического оружия.

Мы призываем к скорейшему возобновлению прерванных переговоров по всем другим вопросам ограничения и сокращения вооружений.

Мы обращаемся к законодательным органам и правительствам всех государств мира с призывом активно содействовать урегулированию конфликтных ситуаций и очагов напряженности исключительно политическими средствами.

Мы выступаем за укрепление Организации Объединенных Наций, повышение ее роли в упрочении международного мира и безопасности.

Во имя этих целей Советский Союз готов сотрудничать со всеми государствами мира независимо от их политических и социальных систем.

Велика историческая ответственность, лежащая ныне на всех государствах мира, ответственность за настоящее и будущее.

Советские люди убеждены, что государства и народы, объединив свои усилия, смогут победить военную угрозу, сохранить и упрочить мир на земле, обеспечить право человека на жизнь. К такому объединению усилий мы призываем парламенты, правительства, политические партии и народы земли.

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза

Обращение «К парламентам, правительствам, политическим партиям и народам мира» единогласно принято на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета Союза ССР и Верховного Совета РСФСР 22 декабря 1982 года.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 1 (2894)

1 ЯНВАРЯ 1983

Участники совместного торжественного заседания Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета Союза ССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 22 декабря 1982 года с большим воодушевлением, единодушно приняли обращение «К парламентам, правительствам, политическим партиям и народам мира».

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

РАБОТА И СОВЕ

В канун Нового года передовые коллективы Москвы выступили с важной инициативой — развернуть движение за дальнейшее укрепление трудовой и производственной дисциплины. В обращении ко всем трудящимся и жителям столицы москвичи заявили, что они с полным одобрением, как руководство к действию восприняли положение, высказанное в речи на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Ю. В. Андроповым: «Следует решительнее повести борьбу против любых нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины». В обращении — призыв «создавать обстановку нетерпимости к каждому случаю нарушения трудовой и общественной дисциплины, относиться к прогулу, опозданию на работу, самовольному уходу с производства как к чрезвычайному происшествию. Рассматривать состояние дисциплины на производстве как один из главных показателей социалистического соревнования».

Проблемам борьбы за укрепление дисциплины посвящена публикуемая статья.

Фото Г. Копосова

Григорий ЗОРИН,
бригадир слесарей-монтажников треста «Сибметаллургмонтаж», Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный строитель РСФСР

«Новый год, Новый год, пусть он радость принесет...» Это ребятишки, внучата, хороводятся вокруг елки. Хорошие слова, хочется пожелать всем людям добра, успехов, счастья... Как гласит народная мудрость, счастье в воздухе не вьется — руками достается. Трудовыми руками. Иной раз в свободный день не знаешь, куда их приложить,— так приучены к делу мы, ходишь, маешься, будто чего-то не хватает, будто что-то не так. Есть у меня друг, работа у него высокой точности, весь день у станка. А придет домой — и минуты без дела не будет. То пельмени затеет, то шкафчик навесной ладит, то из сухих цепких травинок, которые привез из Нафталана, где ноги лечил, фигурку с гитарой лепит... Ведь счастье приходит к тому, кто много трудится.

А иные, с малолетства к труду не приученные, совсем совесть потеряли: даже к своей кровной, государственной работе, без которой и хлебушка не будешь иметь, относятся спустя рукава, халатно, а то и просто отлынивают от нее. Диву даешься, глядя на всяких лодырей, прогульщиков, разгильдяев, стремящихся выехать на чужой спине, пожить за чужой счет. От них только один вред государству. Ведь лодырь живет за счет других, то есть за счет нас. Мы создаем общественные ценности, общественные фонды, часть их обеспечивает нашу низкую плату за жилплощадь, бесплатное медицинское обслуживание, путевки в санатории и дома отдыха, бесплатное образование, да и обеды наши по низким ценам. А прогульщик тоже всем этим пользуется, берет больше, чем дает сам. У нас ведь не то, что табель на заводе в проходной, трудно учесть потерянное время. Все держится главным образом на рабочей совести.

Не понимаю тех бригадиров и мастеров, которые потворствуют нерадивым и лентяям. Без долгих раздумий начальство щедро раздает отгулы, разрешения на так называемые административные отпуска, даже не подтвержденные документами. То к матери съездить, то к сыну. При сильном желании можно придумать причины. И тогда получается по присказке: день гуляет, два больной, а на пятый — выходной... А к концу месяца—невыполнение плана, сверхурочные, вызовы в выходные дни по повышенным расценкам... А нельзя ли делать так: пусть виновные сами же отрабатывают свои прогулянные часы, и безвозмездно. Только по нашему тресту набралось более тысячи таких потерянных человеко-дней, вроде как бы целое управление простояло...

Что же касается нашей бригады, то у нас законы суровые уже давно, и особенно с тех пор, как перешли на бригадный подряд. Чтобы кто-то прогулял, опоздал или явился в неположенном виде, такого не бывает. Не допускаем! Коэффициент трудового участия не позволит, да и чувство долга перед коллективом. Дисциплина у нас в бригаде крепкая. Знаю по себе, еще когда на фронте сержантом был, и после, когда в артиллерии служил,— знаю, как она важна. С той поры крепко усвоил суворовское правило: «Дисциплина — мать победы!» И из армии когда вернулся и меня в 1952-м определили в бригаду Лени Белова, это почувствовал.

Помню, строили мы в Шерегеше железный рудник. Это двести километров от Новокузнецка. Оформили нам командировки. Жили в общежитии.

Идет Леня умываться — шварк с меня одеяло. Схватит, стащит с кровати полусонного, еще водой обрызгает. Летишь бегом, чтоб не опоздать ни на одну минуту, чтоб от товарищей не отстать. Всему Белов меня научил: и как самому просыпаться, без будильника, и как застраховать себя для работы на высоте, и как крепко-накрепко соединять металлоконструкции. При таком бригадире и ленивый добрым работником станет.

Вот так же сейчас мы, наставники, учим молодых. Ребята приходят образованные, тринадцать монтажников с дипломами, четверо учатся на вечернем отделении института. Но учить их все равно надо. Работы с каждым годом усложняются, в том году, например, совершенно новый объект— шаропрокатный стан, такого еще не было. Учим и дисциплине. У каждого новичка свой наставник. Мой подопечный — Саша Нелюбов. Он до армии у нас работал, отслужил — и снова в нашу бригаду. Я у него и дома бывал. Да и не только у него. Как бригадир, обязан знать, как живут все наши рабочие, благополучно ли у них дома, не нужна ли помощь. Саша и ко мне домой приходит, дружит с моим младшим сыном, Володей. Саша собирается стать студентом-вечерником, как и мой сын.

Да, учим мы, наставники, строго. Поблажек не даем никому. Оплошностей не прощаем. Есть у нас такой Анатолий Есаулов, аккуратный, добросовестный монтажник. Ничего плохого про него не скажу. Но вот что с ним месяц назад приключилось: заторопившись, стал работать без предохранительного пояса. Пусть недолго, пусть хоть пять минут, но это же всегда риск, грубое нарушение правил техники безопасности, то есть нарушение той же самой трудовой дисциплины. Совет бригады его наказал: за тот месяц получил Есаулов вместо полного — 0,8 заработка. А к звеньевому Володе Наколкину — чересчур уж он горячий — пришлось применить более строгие меры, когда он поднялся без дополнительного пояса: и выговор объявили и премии лишили.

Кто-нибудь из читателей, боюсь, может подумать: «Уж такая у них хорошая бригада... Но ведь и в красивой семье уроды бывают...» Урода — неурода, а одного звеньевого, человека немолодого, моего ровесника, пришлось воспитывать иным способом. Вино работе, как известно, не товарищ, а грешил он выпивкой. В воскресенье у него частенько бывало веселье, а в понедельник — похмелье. К работе такого человека допускать нельзя. Обсуждали на совете бригады и на совете наставников. Давал обещания и клятвы — и нарушал их. Терпение наше кончилось: «Или лечись,— решили мы,— или удалим из бригады». Жестко? Да, но только так. Другого не дано! Ультиматум подействовал. Лечение помогло. После того прошло уже немало времени, посылали его в длительную командировку в Кемерово. Был у нас там сложный выездной подряд. Отлично работал. И сейчас у него все в полном порядке, потому и не называю его фамилии.

Пьянство надо пресекать беспощадно, выжигать каленым железом. И тут решающее слово за трудовым коллективом. Если он спаянный, если здесь точно соблюдаются все нормы поведения, крепок порядок, то такой коллектив не даст упасть человеку.

Еще вот о чем беспокоюсь думается: никакой пощады нельзя давать летунам! Мечутся они с места на место, порхают, ищут, где бы полегче и поменьше поработать, а получить побольше. Удивительная психология у таких людей! В погоне за малым они причиняют огромный ущерб производству, на каждый переход тратится от двадцати до тридцати в среднем дней.

СТЬ

Скажу о себе. В этом году я отмечал свое тридцатилетие. Три десятка лет на одном месте проработал. Как пришел 7 марта 1952 года в наше первое Новокузнецкое монтажное управление (тогда оно называлось иначе — СУ № 9), так по сей день здесь. В трудовой книжке всего одна запись о поступлении. Пришел мало что умеющим, до ухода на фронт несколько месяцев работал учеником молотобойца, и всего-то. А теперь беру на себя смелость сказать, что не было еще у меня работы, с которой бы я, а потом и моя бригада не справились бы. Мы строили и вели монтаж оборудования на КМК, Запсибе и на химических предприятиях области. Какие только не были объекты: аглофабрики, доменные печи, коксовые батареи, блюминги, станы и эстакады...

Задумался: может, эта усидчивость, постоянство места действия у меня еще от отца? Он был крестьянином, любил землю, и его невозможно было сдвинуть с места. Помнится, пока жив был — он рано умер,— повторял: «Катучий камень мохнат не будет...» Мать моя переиначила поговорку: «И камень обрастает мохом...»

Вот и я, вероятно, обрастал... Обрастал опытом и с каждым новым агрегатом становился богаче. Как же иначе? Я сам понял, сумел разобраться, узнать новое, а значит, и победить! Вот это и есть настоящее счастье! И всем, чего достиг, чем стал, всем, что у меня есть, обязан вот этому драгоценному «камню» — своей работе в одном и том же управлении, на одном и том же месте. О том говорю и сыновьям своим и ученикам своим. Вот только ученики нынче недолго остаются в учениках — уходят бригадирами и инженерами.

А к летунам предложил бы такие меры применить. Вернее, преграды поставить, если советы и воспитательные способы не действуют. Хочешь уйти с работы? Решил окончательно? Пиши сразу два заявления: одно на старом месте, с указанием нового, а другое о приеме на новую работу — и подавай их одновременно.

На нас, рабочих, представителей самой крупной, как сказал в своем докладе «Шестьдесят лет СССР» Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, социальной группы, возложены большие задачи, и мы можем и должны их решить. И еще было сказано: «Настрой на дела, а не на громкие слова — вот что сегодня нужно для того, чтобы еще крепче был великий и могучий Союз Советских Социалистических Республик».

...В предновогодье собрались мы по сложившейся уже традиции всей бригадой в своей бытовке, прежде чем разойтись по домам. Подводя итоги, оглядывались назад, говорили добрые слова отличившимся, желая друг другу удачи, думали о будущем... Завтра наступит новый рабочий день! Первый день третьего года одиннадцатой пятилетки. Начнем строить кисло- и азотопроводы. Такой работы у нас еще не было. Снова новая задача и новый поиск ее наилучшего решения. Будем стремиться выполнить ее как можно лучше, беречь каждую минуту рабочего времени, с тем чтобы довести дисциплину труда, эффективность его до самой высокой степени.

А. НЗО,
Генеральный секретарь Африканского национального конгресса Южной Африки

ОБЪЕДИНИМСЯ И ПОБЕДИМ

На меня, как и на всех, кто приехал в Москву на торжества, связанные с празднованием 60-летия образования Союза Советских Социалистических Республик, особенно сильное впечатление произвел доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова на торжественном заседании, посвященном этой дате. Достижения Советского Союза за эти годы имеют огромное значение для всего человечества — это очевидно. Именно СССР играет сейчас на международной арене ведущую роль в деле сохранения мира. Это наглядный пример того, как слова не расходятся с делами. Если бы и руководители ряда стран Запада проявили в этом вопросе такую же последовательность, за жизнь на нашей планете можно было бы не тревожиться. Именно поэтому я хочу отметить, что контраст между курсом, который проводит Советский Союз, и курсом, проводимым Соединенными Штатами, очень велик. Администрация Рейгана пытается навязать народам мнение, что отстоять мир можно лишь путем накопления все большего количества вооружений, развертывания новейших систем оружия массового уничтожения, таких, например, как ракеты «МХ». Такие утверждения, такой путь — это преступление. Каждый, кто способен реально и трезво оценивать международную обстановку, видит сейчас, что лишь благодаря огромным усилиям Советского Союза на нашей планете удается сохранять мир. И никакими словесными ухищрениями опровергнуть этот факт невозможно!

Всех нас, особенно тех, кто приехал из развивающихся стран, особенно вдохновила та часть доклада Ю. В. Андропова, в которой было сказано о том, что Советский Союз будет и впредь стоять на стороне тех, кто еще и сегодня вынужден бороться за свободу, независимость, само существование своих народов, кто вынужден отражать натиск агрессора или подвергается угрозе агрессии.

В жизни Советского Союза есть момент, исключительно важный для нас, для всех, кто сталкивается с такими явлениями, как расизм и апартеид. Когда создавалось ваше государство, одной из главных задач была задача объединения людей различных национальностей в одно интернациональное общество. И задача эта была решена блестяще!

Социализм устремлен в будущее. Капитализм же живет прошлым, он находится в плену старых представлений и предрассудков. Именно это и не позволило в свое время германскому фашизму оценить истинную мощь Советского государства, ту мощь, которая была рождена органическим слиянием многих наций и народностей. Поразительно, но некоторые на Западе не понимают этого момента до сих пор.

И поэтому, повторяю, ваш опыт решения национального вопроса имеет для нас огромное значение. Расистский режим ЮАР старается разъединить людей по расовому признаку. Такая политика проводится в масштабах всего государства. И именно поэтому лозунг нашего национально-освободительного движения — объединение. Ведь именно объединения всех борцов за свободу и равноправие боятся расистские правители, именно такому объединению они стараются помешать.

Но мы объединимся. И победим.

Ю. ФЕЙСАЛ,
первый помощник Генерального секретаря ЦК Сирийской коммунистической партии

ВО ИМЯ ОБЩИХ УСПЕХОВ

В Советском Союзе я не впервые. И каждый новый визит к вам — новое открытие. Открытие — потому что не перестаешь удивляться изменениям, которые происходят в вашей стране. Конечно же, есть цифры, статистические данные, которые дают масштабное представление об экономическом росте Советского Союза, и цифры эти — я говорю без преувеличения — впечатляют. Но тем не менее они не могут заменить живого, личного общения со страной и ее людьми. Не могут заменить того радостного чувства, которое возникает, когда видишь новые кварталы ваших новостроек и лица уверенных в завтрашнем дне людей.

Шестьдесят лет развития многонационального государства — это тот исторический срок, когда можно подводить определенные итоги. И человек, который внимательно следит за жизнью в вашей стране, не может не отметить таких важных черт в ее развитии, как масштабность и динамичность. Это особенно заметно в дальних районах, таких, к примеру, как Сибирь. И хотя обо всем этом можно прочитать в вашей прессе, лучше все-таки, как у вас говорят, один раз увидеть...

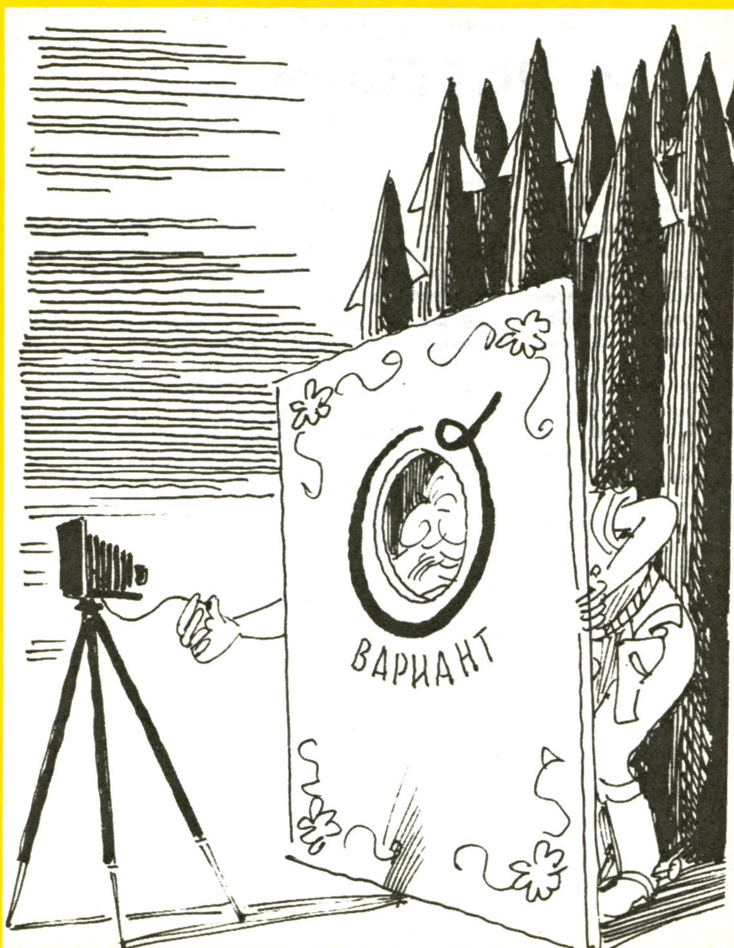
Мне повезло. В прошлом году я был в Сибири, посетил город Братск. Я никогда не забуду того впечатления, которое произвел на меня этот молодой город. Ему всего четверть века, и мне хочется говорить о нем теми же словами, какими кто-нибудь другой говорил бы о красивой двадцатипятилетней девушке. В Братске я был на знаменитой ГЭС, на алюминиевом заводе. Встречался с молодыми рабочими. И тогда я понял, почему меня так очаровал Братск: именно таким, под стать себе, его сделали эти молодые, сильные, жизнерадостные люди.

Нет страны в мире, на которую не оказали бы позитивного влияния шесть десятилетий развития СССР. Не исключение и Сирия. Отрадно, что развитие наших отношений продолжает углубляться и расширяться и, на мой взгляд, переживает сейчас период своего расцвета. Отношения между Советским Союзом и Сирией носят добрый, дружественный характер, они основываются на Договоре о дружбе и сотрудничестве, заключенном между нашими странами. В особенности это относится к политическим отношениям, которые являются координационными и строятся с полным учетом интересов обеих стран.

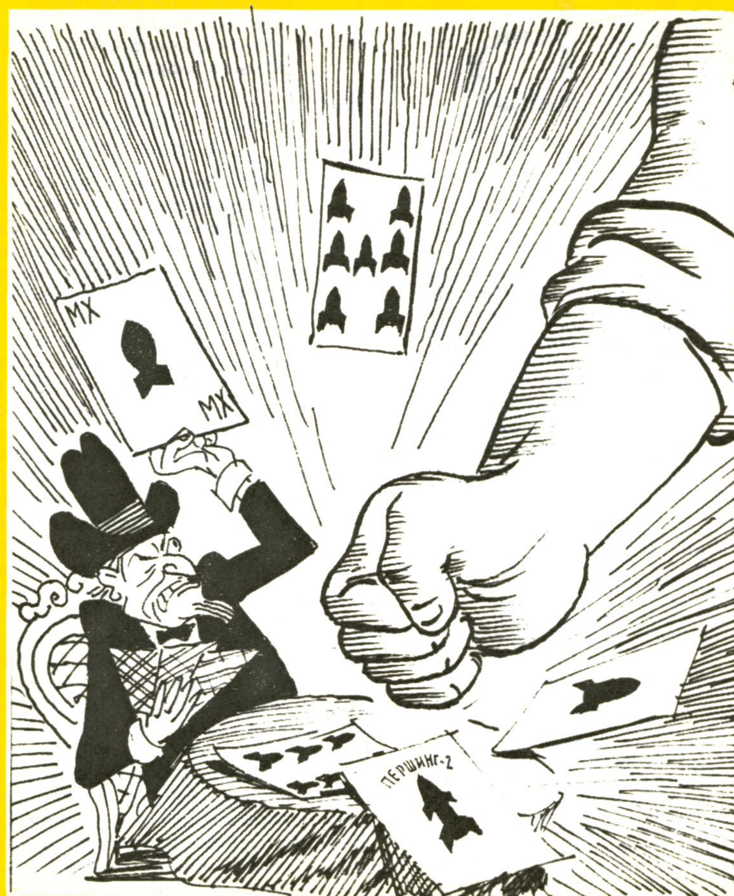
Наше сотрудничество в военной области носит сугубо оборонительный характер, оно направлено на укрепление оборонной мощи Сирии, которая противостоит сионистской агрессии Израиля — ударной силе мирового империализма на Ближнем Востоке.

Празднование 60-летия образования СССР вызвало в Сирии большой общественно-политический резонанс. У нас прошли тематические вечера, посвященные этой дате. Таким образом, в праздновании этой годовщины приняли участие различные слои нашего общества.

Дружественные чувства, которые испытывают к Советскому Союзу коммунисты Сирии, весь сирийский народ, непреходящи. Поэтому, пользуясь случаем, я хочу пожелать советским людям все больших достижений в развитии экономики вашей страны, в деле укрепления мира и дружбы между народами. Ведь успехи Советского Союза — это наши общие успехи.

Прикрывается.

Липовые козыри.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Неоколонизатор: «Примерьте, пожалуйста!»

Каждому по заслугам.

Владимир СИМОНОВ, собкор АПН

УБИЙСТВО ДОН-КИХОТА

Утро выдалось теплым. К американской столице уже подбиралась праздничность рождественских каникул. Группки туристов бродили вокруг обелиска Джорджу Вашингтону. Похрустывали воздушной кукурузой, задирали головы, чтобы увидеть то место, где 169-метровая гранитная игла протыкает низкие облака. Белочки подбирали за людьми сладкие крошки.

Идиллию разрушил белый грузовичок-фургон. Скрежет тормозов, хлопок дверцы. Из кабины тяжеловато выпрыгивает человек в синем лыжном костюме и мотоциклетном шлеме с затемненным забралом. В руках — какая-то коробка, из которой торчит прут антенны. Нечто вроде передатчика для радиоуправляемых моделей. Но не у памятника же первому американскому президенту в игрушки играть! Полицейский, охраняющий обелиск, направляется к «лыжнику», чтобы сделать замечание.

Тот идет навстречу. Вручает коричневый конверт с рукописным воззванием: «Если кто-либо приблизится ко мне, ответственность за последствия ложится на правительство...» На верхней губе у полицейского выступает капелька пота. До него доходит острота ситуации. В белом грузовике — 1000 фунтов динамита. Человек в мотоциклетном шлеме угрожает взорвать памятник Джорджу Вашингтону, если власти не удовлетворят его требования. Какие? Смятенный страж не замечает крупной надписи на грузовике:

«Необходимость № 1 — запретить ядерное оружие».

Через несколько минут холм, на котором высится памятник, оцеплен полицией. Человек в шлеме взят в перекрестья оптических прицелов. А в эфир по десяткам телевизионных каналов хлынул поток прямых репортажей об одиночке, захватившем в качестве заложника... гранитную колонну.

Я смотрел эти репортажи целый день и не переставал удивляться. Полиция действовала так, будто имела дело с обычным преступником. Комментаторы вели передачи, будто перед ними заурядный террорист. Все катилось по хорошо наезженной колее. Захватывают самолеты. Захватывают миллионеров. Теперь вот захватили памятник. Знакомая история. Главное — принять все меры безопасности. Не выводить террориста из себя, тянуть время, ждать, ждать...

Полиция явно нагоняла ужас на притихший Вашингтон. В ее поведении было что-то лживое. Даже если в грузовичке таились 1000 фунтов, то есть 450 килограммов динамита, взрыв мог оставить на гранитной махине в худшем случае выбоину-другую. Городу тем более ничего не угрожало. Но уже к полудню эвакуировали двадцать тысяч вашингтонцев. Конторы и магазины закрыли в приказном порядке. Телевизионные комментаторы скинули пиджаки и распустили галстуки, чтобы своим видом подчеркнуть некую «катастрофичность» положения. Вот слышали: сам президент покинул южную половину Белого дома — как бы не оглушило взрывной волной!

Это была настоящая паника. С той лишь разницей, что ее создали искусственно.

Бывает, в спешке поставишь машину не там, где положено, а к тебе уже шагает полицейский: «Г-н Симонов, лучше вам отсюда отъехать». Естественно, он меня не знает в лицо. Просто связался по рации с центральным компьютером, и тот мгновенно выдал ему по номерному знаку фамилию. Ту же процедуру, конечно, проделали и в то утро в Вашингтоне. Городская полиция, полиция парка, ФБР, секретная служба Белого дома и прочие ведомства безопасности с самого начала знали, кому принадлежит грузовичок. Норману Мейеру, 66 лет, служащему гостиницы в Майами—Бич. Последние годы Мейер уже не пылесосил гостиничные коридоры. Все свое время, все скромные накопления отдавал борьбе с ядерной опасностью. После выпадения радиоактивной пыли пылесосы не понадобятся, считал он.

Мейер спешил. Его преследовало ощущение, что антивоенные группы и организации вроде «Эпицентр взрыва», «Кампания за замораживание ядерных вооружений», «Сейн» и другие измеряют истекающее время годами. А надо месяцами, днями. А может быть, последними крупинками песочных часов. Мейер сам был побочным продуктом гонки вооружений. Человеком, чья психика искалечена фантастическими цифрами отечественного военного бюджета, государственной одержимостью новыми системами человекоубийства, милитаристскими кличами, доносящимися из Белого дома. Таких американцев сегодня тысячи. Они бегут в горы, обживают пещеры в лесах, строят бетонированные убежища под личными гаражами. Их называют «сервайвалистами» — от английского слова «выживание», выживание через бегство от опасности.

В отличие от них Мейер не бежал — он боролся. В одиночку, не примыкая ни к каким организациям. Конечно, в такой борьбе было больше отчаяния, чем надежды. Но за ней все-таки стояло мужество. А не страх.

В 1979 году его дважды арестовывали за то, что раздавал листовки в студенческих городках Флориды. «Мы — обреченная цивилизация, которая ежедневно балансирует на грани уничтожения!» — кричали эти квадратики кремовой оберточной бумаги.— Запретим ядерное оружие или приготовимся к расчудесному концу света!» — Пожилой человек, он спешил спасти планету для более молодых. Американский дон Кихот, вознамерившийся в одиночку свернуть боеголовки всем баллистическим ракетам Пентагона.

Полиции было достаточно извлечь всю эту информацию из памяти своего компьютера, чтобы понять: Мейер предан идее разоружения. Следовательно, он не может взорвать динамит ни под живым человеком, ни под каменным символом. И полиция наверняка поняла это. Руководители облавы на человека в мотоциклетном шлеме, я убежден, отдавали себе отчет, что имеют дело с политической манифестацией. Но такая политика для них опаснее динамита. Вот почему из протеста одиночки продолжали лепить террористический акт. Вот почему над иглой обелиска зависли вертолеты. Вот почему полицейские снайперы поделили между собой каждый квадратный сантиметр его мотоциклетного шлема.

Через десять часов, когда стемнело, хорошо рассчитанную панику довели до высшей точки. На экране телевизора — некий полицейский чин. Его осаждают репортеры:

— Так есть динамит в грузовике или нет? Вам удалось что-нибудь установить?

И еще сейчас я вижу этот самоуверенный, энергичный кивок:

— Без сомнения. Собаки дали положительную реакцию на динамит. Преступник крайне опасен...

А Мейер смирно сидит у подножия памятника, сжимая в руках коробку с торчащим из нее прутиком и вглядываясь куда-то вдаль. Не знаю, мог ли он видеть через затемненную пластмассу своего шлема купол Капитолия. Впрочем, это неважно. Он знал, что в этом же городе, в нескольких милях от него палата представителей принимала в тот же день самый гигантский военный бюджет за всю послевоенную историю Соединенных Штатов. 231 миллиард долларов. Овеществленная в купюрах заповедь Джорджа Вашингтона, который сказал в своей речи 8 января 1790 года: «Быть готовым к войне — один из самых эффективных способов сохранения мира».

Первый президент не родил бы своего афоризма, доживи он до изобретения ядерного оружия. В 1982 году нет эффективнее способа взорвать мир, чем готовиться к войне. Своей одинокой вахтой у памятника Мейер опровергал тех, кто авантюристически переносит двухсотлетнюю мудрость в век баллистических ракет и звездных военных баз вроде космического корабля «Колумбия».

Мейер сидел у гранитной иглы и слышал вой полицейских сирен. Он не слышал размеренного голоса президентского советника по научным вопросам д-ра Джорджа Кейворта. В эти самые минуты тот объяснял сенату смысл нового изобретения Пентагона под названием «фратрицид». Это от латинского — «братоубийство». Понимаете, наши новые ракеты «МХ» будут размещены в штате Вайоминг таким блистательным образом, что атакующие ракеты противника будут уничтожать не цель, а друг друга. Как брат брата. То есть произойдет этот самый «фратрицид». Ну не гениально ли придумано?

Высоконаучный визирь не объяснил в тот день, чем кончится «фратрицид» для жителей штата Вайоминг, для всей живой Америки, ее зверей, птиц, лесов. А человек в мотоциклетном шлеме прекрасно знал чем — геноцидом. Он так и сказал об этом корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс Стиву Комароу, когда полиция направила того выяснить требования «террориста».

Мейер сказал Комароу еще коечто:

— Это вы виноваты — пресса, телевидение. Вы делаете вид, будто нашей планете не грозит ядерная опасность. То ли сговорились с кем, то ли еще почему, только вы утаиваете информацию о напряженной, неконтролируемой обстановке, в которую вгоняете мир...

Невеселая ирония состояла в том, что здешние средства массовой информации пытались утаить правду даже о требованиях Мейера. Телевидение ахало по поводу призрачного динамита, но молчало насчет мегатонн ядерной взрывчатки, к уничтожению которых Мейер призывал своим отчаянным поступком. Тот же Комароу позднее написал, будто требования его собеседника были «туманными». «Я пытался, но так и не смог их прояснить». Во время репортажа о вашингтонской драме по девятому каналу телевидения корреспондент едва успел сказать: «Единственное его требование, которое нам известно...» — как чья-то невидимая рука прервала передачу и вставила кусок из модной комической телесерии.

А ведь у человека в лыжном костюме были здравые идеи. Они не могли осенить преступника, решившего взорвать красу и гордость Вашингтона. Такие идеи могли бы сами взорвать остатки доверия к нынешней милитаристской политике администрации Р. Рейгана. Поэтому их и старались утопить в суете с вертолетами, полицейскими снайперами и собаками, которые будто бы учуяли динамит. На самом деле полиция учуяла крамолу, имя которой — борьба за разоружение.

Вот чего хотел Мейер. Начать общенациональный диалог на тему о ядерной опасности. Обязать прессу посвящать более половины своих материалов обсуждению проблем ограничения и сокращения ядерных вооружений. Ввести в школах такую дисциплину, которая бы учила юных отстаивать мир. Издать многомиллионным тиражом книгу Джонтана Шелла «Судьба Земли», повествующую о жутких последствиях ядерной войны, и вручить ее каждому взрослому гражданину Соединенных Штатов. У Мейера были также другие идеи. «Встретимся завтра»,— пообещал он Комароу.

«Завтра» у дон Кихота отняли. Эта сцена передавалась телевидением «живьем», она записана и на моем видеомагнитофоне. Только смотреть ее трудно. 10.45 вечера. Мейер спокойно залезает в свой грузовичок и медленно катит прочь от монумента. И тогда без предупреждения, без попыток остановить машину — шквал выстрелов. Смешно, как в хорошей мультяшке, грузовичок приседает на простреленных шинах, переворачивается и падает на крышу. Полицейские выбивают ногами осколки ветрового стекла. Вытаскивают бездыханное тело. Победно воют сирены...

Никакого динамита в грузовичке, конечно, не оказалось. Но был страстный, нетерпеливый, отчаянный порыв к миру без ядерного оружия, мятеж одиночки против официального безумия. Мятежника расстреляли. Под сенью обелиска отцу-основателю свободолюбивой нации...

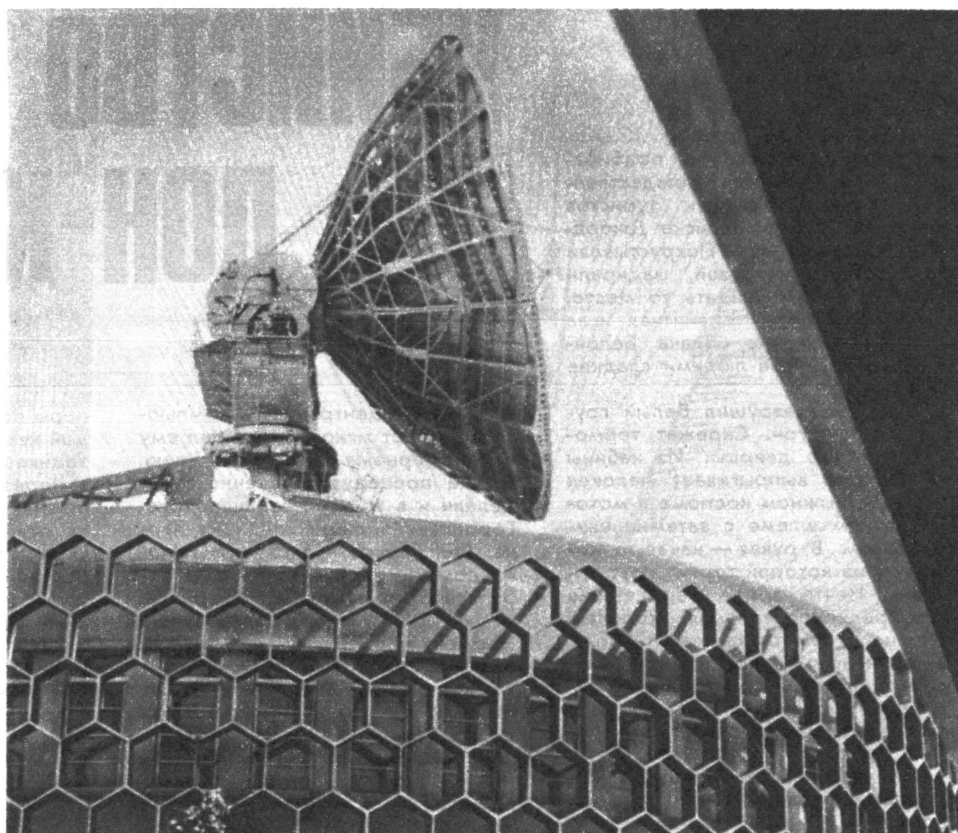
Специально для «Огонька»

Нью-Йорк.

1 ЯНВАРЯ — ПОБЕДА КУБИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ КУБЫ.

ГОВОРИТ «КАРИБЕ»

А. МОИСЕЕВ

Фото автора

Наш путь — на северо-восток от Гаваны. Туда, где неподалеку от маленького городка Харуко среди живописных холмов затерялась станция космической связи «Карибе». На часах около одиннадцати утра, и влажный тропический жар уже дает о себе знать. Спасает лишь быстрая езда нашего автомобиля — врывающийся в окна ветерок приятно освежает. Но стоит остановиться, как салон «Жигулей» сразу превращается в раскаленную консервную банку...

— Райские места! — восклицает мой гаванский друг Рауль Рамос, сопровождающий меня в поездке, и показывает на раскинувшиеся вдали зеленые холмы и королевские пальмы.— А ведь лет двести назад вся эта территория принадлежала донье Тересе Бельтран де Санта-Крус, графине де Харуко. От нее и пошло название местности. Потом по приказу короля Испании здесь основали поселок — он как раз на пути из Гаваны в Матансас. Построили постоялые дворы для землевладельцев и сахарозаводчиков. Давно это было, с тех пор поселок превратился в город. Вон там,— Рауль махнул рукой куда-то вправо,— обширная зона отдыха для трудящихся. Ты, наверное, слышал о знаменитом туристическом центре Эскалерас-де-Харуко? Тихое и прекрасное место для желающих отдохнуть от городской суеты. И всего в сорока километрах от Гаваны!

Мы свернули с шоссе на дорогу поуже и вскоре подкатили к воротам станции «Карибе».

— Приехали,— коротко сказал Рауль, первым выбрался из «парной» и устремился к служебному помещению. Он-то знал, что там работает кондиционер...

Мы на территории станции. В центре обширной площадки, со всех сторон окруженной густо поросшими зеленью холмами, изящное круглое здание. Огромная чаша антенны чутко «слушает» небо. Кругом зной и тишина. У входа нас встречает высокий смуглый парень лет двадцати пяти в белоснежном халате.

— Инженер Франсиско Алегре,— представляется он, крепко пожимая нам руки. И ведет по залам, с увлечением рассказывает.

— Это сложное техническое сооружение — уникальное во всей Латинской Америке. Оно построено при содействии Советского Союза около девяти лет назад. С помощью станции «Карибе» через Атлантику между Кубой и другими социалистическими странами переброшен гигантский мост дружбы. Станция обеспечивает надежную, высококачественную теле,- радио,- телефонную и телеграфную связь.

...В диспетчерском зале светятся десятки цветных телеэкранов. «Гаванское время одиннадцать часов»,— доносится вдруг до меня русская речь с небольшим испанским акцентом. В эфире — кубинский оператор. «Начинаем передачу»,— отвечает ему также по-русски венгерский коллега из-за океана. Идет обычная телевизионная связь...

— Первая передача,— продолжает Франсиско Алегре,— была проведена на «Карибе» седьмого ноября 1973 года. Тогда кубинцы смогли впервые увидеть на экранах телевизоров прямой репортаж с Красной площади — военный парад и красочную демонстрацию трудящихся. И это символично! Теперь регулярно из вашей страны транслируются фрагменты программы «Время», спектакли, фильмы, спортивные передачи. А с каким удовольствием вся Куба следила за состязаниями Московской Олимпиады! Именно наша станция обеспечивала почти пятнадцатичасовой ежедневный прием прямых передач на протяжении всех Олимпийских игр.

Один из главных элементов «Карибе» — центр слежения. Принятые со спутника сигналы направляются в телевизионные центры или на станции международной телефонной связи. С помощью «Карибе» сейчас можно из самой отдаленной точки острова Свободы в считанные секунды связаться с любым городом или поселком простым набором телефонного кода.

— Большое значение,— говорит Франсиско,— для нас имеет работа станции в области метеорологии. Этого требует и географическое положение Кубы. Благодаря приему фотографий с искусственных спутников Земли мы смогли намного улучшить прогнозирование погоды и, что очень важно, рассчитывать движение столь частых в наших краях тропических ураганов.

Кубинские товарищи пояснили, что «Карибе» — часть сети космической связи «Интерспутник». Соглашение о создании этой авторитетной международной организации было подписано в 1971 году в Москве представителями СССР, Кубы, Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, Румынии и Чехословакии. Организация эта открытая, в нее может вступить любое государство, стремящееся к мирному использованию космоса. О популярности и эффективности «Интерспутника» свидетельствует постоянный рост его участников. Только за последнее время к нему присоединились Афганистан, Вьетнам, Алжир. О вступлении в организацию объявили недавно Лаос, Сирия, Ирак...

В просторном рабочем кабинете меня принимает один из руководителей «Карибе», начальник операций Эмилио Перес.

— До революции,— рассказывает он,— вся система связи на Кубе была сосредоточена в руках североамериканских компаний. Когда власть в свои руки взял народ, янки принялись всячески мешать. Революционное правительство национализировало эти компании, в ответ Соединенные Штаты фактически объявили нам информационную блокаду. Связаться с другими странами порой было почти невозможно. И тогда на помощь пришел Советский Союз. Информационная блокада была прорвана!

Когда мы шли по рабочим залам станции, я обратил внимание, что среди специалистов «Карибе» не так уж мало женщин. Говорю об этом Эмилио Пересу.

— Из 69 сотрудников станции представительниц прекрасной половины почти одна треть,— сказал начальник.— Все они отличные специалисты, прекрасно сознающие свою ответственность. Руководитель партийной организации у нас оператор Мигдалия Хардинес. Эта молодая женщина в 1973 году окончила технологический институт имени Освальдо Эрреры и через несколько месяцев уже работала на станции. Вообще должен сказать, что коллектив у нас дружный и сплоченный. Вместе отдыхаем, ухаживаем за Парком дружбы, который разбили советские и кубинские специалисты, принимавшие участие в строительстве станции.

Выходим вместе с Эмилио на пышущий жаром двор. Солнце в зените. Рядом с корпусом станции замечаю молоденький лесок, из которого доносится веселое птичье щебетание.

— Видите, сколько птиц,— замечает Перес.— Корпус антенны покрывала антикоррозийная пленка. Так вот, птицы повадились сидеть на антенне. Они портили когтями пленку, создавали помехи. А истреблять этих птиц у нас на Кубе запрещает закон. Как быть? Пришлось оборудовать антенну дополнительным защитным слоем — теперь уже от пернатых...

...Когда «Жигули» отъехали от станции уже на порядочное расстояние, я оглянулся. И долго не мог оторвать взгляд от сверкающей в лучах яркого тропического солнца «Карибе».

Новогодняя сказка

Сергей МИХАЛКОВ РАССКАЗ Рисунок А. ЛУРЬЕ

В лесу недалеко от дома лесничего росла Елочка. Взрослые деревья — сосны и ели — издали смотрели на нее и не могли налюбоваться: такая она была стройная и красивая.

Маленькая Елочка росла, как все елочки в ее возрасте: летом ее поливали дожди, зимой засыпало снегом. Она грелась на весеннем солнышке и дрожала во время грозы. Вокруг нее шла обычная лесная жизнь: туда-сюда пробегали полевые мышки, копошились разные букашки и муравьи, летали птицы. За свою недолгую жизнь Елочка познакомилась с настоящим зайцем, который однажды переночевал под ее ветвями. Несмотря на то, что Елочка росла одна посреди полянки, она не чувствовала себя одинокой...

Но вот как-то летом откуда ни возьмись прилетела незнакомая Сорока, недолго думая, села на макушку маленькой Елочки и стала на ней раскачиваться.

— Пожалуйста, не раскачивайся на мне! — вежливо попросила Елочка.— Ты мне сломаешь макушку!

— А на что тебе твоя макушка? — грубо протрекотала Сорока.— Тебя все равно срубят под Новый год!

— Кто меня срубит? Зачем? — тихо прошептала Елочка.

— А кому надо, тот и срубит! — ответила Сорока.— Разве ты не знаешь, что под Новый год люди приходят в лес за такими, как ты! А ты растешь у всех на виду!..

— Но я на этом месте уже не первый год, и меня никто не трогал! — неуверенно возразила Елочка.

— Ну, так тронут! — сказала Сорока и улетела в лес...

В страхе и беспокойстве прожила Елочка лето и осень, а когда выпал снег, она совсем потеряла покой. Она ведь никуда не могла убежать, чтобы спрятаться, затеряться в лесу среди таких же елочек.

В декабре выпало так много снега, что даже у взрослых деревьев под его тяжестью обламывались сучья.

А маленькую Елочку и вовсе засыпало по самую макушку.

— Это даже хорошо! — решила Елочка.— Теперь меня никто не заметит!

Наступил последний день уходящего года — тридцать первое декабря.

— Только бы пережить этот день! — Не успела подумать Елочка, как увидела приближающегося к ней человека. Он шел прямо на нее. Подойдя к ней, человек схватился за ее верхушку и сильно встряхнул ее. Осыпались тяжелые пласты снега, нависшие на ветвях Елочки, и она расправила перед человеком свои пушистые, зеленые ветви.

— Я правильно тебя выбрал! — сказал человек и улыбнулся. Он даже не заметил, что при этих словах Елочка потеряла сознание...

Когда Елочка очнулась, она ничего не могла понять: она была жива и стояла на том же месте. Только на ее ветвях висели легкие цветные стеклянные шары и вся она была окутана тонкими серебряными нитями, а самую макушку украшала большая золотая звезда...

А утром, в первый день нового года, из дома лесничего вышли его дети — брат и сестра. Они встали на лыжи и направились к Елочке. Из дома вышел лесник и пошел за ними следом. Когда все трое оказались рядом, мальчик сказал:

— Ты хорошо придумал, папа! Это будет наша новогодняя Елочка! Мы будем так украшать ее каждый год...

Эта история случилась много, много лет тому назад. Давно уже умер старый лесничий. Живут в городе взрослые дети. А в лесу посреди полянки, напротив дома нового лесничего, поднимается высокая, стройная ель, и каждый раз под Новый год она вспоминает свое детство...

БОРОВИКОВСКИЙ

Ольга **НЕМИРОВСКАЯ**

Она стояла перед ним, чуть облокотясь на высокий мраморный садовый столик, и пышные розы тяжело склонились к ее руке. Молодая хозяйка смотрела на гостей, пожаловавших в усадьбу, и не видела их, слушала оживленные речи и не вникала в то, о чем говорилось. Ясное, нежное лицо, по-утреннему свежее, плавная грация позы, светская полуулыбка на чуть пухловатых устах не могли скрыть от художника глубокой внутренней печали. Она так же задумчива, как и в прошлый его приезд. Уголки губ вот-вот дрогнут, обнаружив скрытое разочарование, глаза грустны, взгляд обращен в себя, в далекую несбыточную грезу.

Владимир Лукич чутко воспринимал чужое настроение и догадывался, что спокойствие и благополучие — лишь видимость, которая скрывает терзания чистого, неискушенного сердца.

Тишина и прохлада парка, ласковые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь густые кроны, понемногу рассеяли невеселые мысли. Ее прекрасная кожа в тени вековых деревьев светилась по-особому матово, перламутрово. Движения, как всегда, естественные и безыскусные, сегодня были замедленны, словно все происходило не наяву и не с нею. А сама она существовала в доступном только ей мире, где неясные, но светлые мечты сплетались с тяжкими предчувствиями, а надежды доброй, отзывчивой души искали примирения с жестокостью жизни.

Художник писал ее, как чувствовал, как понимал. Может быть, он сообщил портрету кое-что от собственных ощущений, но временами думалось, она сближается с прекрасным идеалом, обитавшим в его душе. И кисть легко касалась холста, тончайшие лессировки покрывали белый грунт. На груди, на шее, на лице они сплавлялись в единую, словно фарфоровую поверхность; отраженный ею свет казался сиянием, идущим изнутри, из глубины натуры.

Простое белое платье, но как же сложен этот белый цвет, сколько в нем сероватого, жемчужного, золотистого. А голубой колер пояса, свободно охватившего стан,— в складках темнее, на сгибах ярче, один оттенок, другой, третий... Семь градаций тона, зато получилось так, как он хотел — небесная лазурь, символ вечной юности, совершенства.

Изображение выходило не бестелесным, но и не особенно плотским, не грубо материальным. Оно и не могло стать таким: художника занимала идея возвышенного. Прелесть юного существа, обаяние женственности — все это есть в портрете. Но еще важнее ему было передать сложность противоречивых чувств, которые владеют той, что позирует ему сейчас. Ее настроение, грусть и поэтичность требовали особых средств воплощения. Воздушная дымка, окутав фигуру, смягчит четкость линий, растворит их в богатстве тонких цветовых переливов. Для шарфа и зелени нужна приглушенная, пастельная гамма, она как нельзя лучше отвечает состоянию его героини. Шарф, розы можно взять сочнее, гуще. В глубине холста надо наметить белые березки, внизу слева — рожь с васильками для выражения простоты и сердечности, любви к природе, к незатейливым радостям уединенной сельской жизни. Вот только нос милой Марии Ивановны далек от классических идеалов: широковат, короток, но он не станет его приукрашивать — во всем лице так много того, русского, что́ не смог постичь еще ни один иноземный живописец. Чужестранцы не хотели вникать в национальное своеобразие черт, в особенности характера; придавая курносым римский профиль, сообщали своим моделям некий общеевропейский вид, особенно ценимый при дворе. Но в этой славной девушке, уже уставшей стоять перед ним, так много самобытности.

В тот, 1797 год, когда писался портрет, Марии Ивановне Толстой исполнилось восемнадцать. Вскоре она вышла замуж за егермейстера С. А. Лопухина, но, как говорили, была несчастлива. Через шесть лет ее унесла чахотка.

Она давно прошла — и нет уже тех глаз,
И той улыбки нет, что молча выражали
Страданье — тень любви, и мысли — тень печали...
Но красоту ее Боровиковский спас.

Девяносто лет спустя поэт Яков Полонский, увидев портрет в Москве, в доме племянницы Лопухиной, написал этот экспромт.

Так часть души ее от нас не улетела;
И будет этот взгляд и эта прелесть тела
К ней равнодушное потомство привлекать,
Уча его любить — страдать — прощать — молчать...

Прошло почти два века с тех пор, как картина была закончена. Менялись поколения, художественные вкусы и стили, а портрет Лопухиной, как сотворил его Боровиковский, по-прежнему притягателен для нас. В Третьяковской галерее мы спешим к нему, чтобы увидеть лицо, в котором все непросто, хотя и кажется доступным. Оно влечет и беспокоит, смущает взглядом карих глаз, направленным куда-то мимо, но верно достигающим цели,— столь силен импульс, сообщенный ему живописцем. Но живописцем-гением, каким был в русском искусстве XVIII века Владимир Лукич Боровиковский.

«1788 года декабря 16 числа приехали в город,— перечислял, докладывая императрице, санкт-петербургский полицмейстер Рылеев,— из Миргорода порутчик Володимир Боровиков...» Назревавшие во Франции революционные события тревожили Екатерину; обеспокоенная их влиянием на своих подданных и ни на минуту не забывая о сильном потрясении, связанном с пугачевским бунтом, она распорядилась ежедневно подавать ей ведомости о приезжающих в столицу, дабы лично выявить и пресечь возможную смуту.

В тот час Екатерина вряд ли вспомнила о молодом способном живописце, которого года полтора назад в Малороссии ей расхваливал архитектор Львов, состоявший в ее свите во время путешествия на юг. Он просил обратить высочайшее внимание на две росписи в путевом доме, где она изволила остановиться: их специально по такому случаю выполнил один из местных художников.

Прежде этот способный юноша, сын казацкого старшины и дворянина Луки Боровика, работал подобно своему отцу иконы, но мог по желанию заказчика написать портрет. Богатые казаки, воинские чины, мелкие помещики любили украшать комнаты изображениями — собственными и своих близких — и пользовались его услугами. Там, в Миргороде, его приметил поэт Василий Васильевич Капнист, предводитель киевского дворянства, имевший неподалеку небольшое сельцо, и привлек к оформлению здания для приема императрицы.

С вдохновением молодой человек принялся писать огромные многофигурные панно со сложной композицией и аллегорическим сюжетом, прославлявшим мудрость государыни. Он прекрасно справился с непривычной темой. Капнист и его свояк Львов, понимая, какие огромные возможности таит в себе такое дарование, предложили ехать в столицу совершенствоваться в живописи.

В октябре 1788 года, тридцати одного года от роду, подписав акт о разделе имущества, оставшегося после смерти отца, он навсегда покинул Миргород с его садами, огородами и мирными «обывательскими» домами.

Николай Александрович Львов поселил «порутчика в деле живописца» в том же «Почтовом стану», где жил сам, в здании подчиненного ему ведомства, и в первое время обеспечивал заказами, а стало быть, средствами к существованию, поручая выполнение работ для внутренней отделки соборов, воздвигаемых по его проектам. Благословенное влияние этого талантливого человека и его друзей стало той путеводной звездой, которая вскоре привела мало кому известного украинского иконописца к высотам мировой живописи.

В круг Львова входили поэты Державин, Капнист, Карамзин. Он считался беспри́страстным судьей их творчества, по его совету Державин не раз переписывал свои стихи, оставляя предложенные строки. Вместе с композитором Фоминым архитектор сочинил комическую оперу «Ямщики на подставе», использовал в ней народные мелодии и сочное, образное просторечье. Издал также «Сборник русских песен», которые сам разыскал и записал, находя в них связь с греческими песнопениями. Разработал для Левицкого тему для одного из известных парадных портретов.

В этом доме увлекались Руссо, предпочитали рассудочному классицизму, далекому от повседневой жизни, новое направление, владевшее тогда умами,— культ чувства, сентиментализм. Насмешливый оттенок это слово получило позже, а в то время с ним открывался целый мир. Под гостеприимными сводами звучали стихи, «любезные душе чувствительной и нежной», поэты воспевали радости любви и непременно связанную с ней легкую печаль. «Натуры каждое явленье и сердца каждое движенье есть кисти твоея предмет»,— читал Карамзин, и строки из его «Дарований» художник воспринимал так живо, словно они были обращены прямо к нему.

Державин декламировал «Вельможу», и в патетических словах рождался гражданский идеал слуги отечества. Капнист разыгрывал в лицах сцены из своей остроумной комедии-сатиры «Ябеда», бичевавшей произвол судебных чинов. «О Росский бодрственный народ, отечески хранящий нравы! Когда расслаб весь смертных род, какой ты не причастен славы?» — восклицал Державин, и ему аплодировали собравшиеся.

Художник с восторгом внимал речам своих просвещенных знакомых о патриотизме, о достоинстве людей из народа. Он радовался счастливым переменам в своей судьбе, и робел, и его душа с готовностью отзывалась высоким мыслям и чувствам. С доверием и энтузиазмом приняв новый эстетический идеал, он предался поискам того нового в живописи, что могло бы передать надежды и мечты людей его эпохи.

Здесь не были в почете пышные, но холодные парадные изображения. Львов восхищался античным искусством, и свои первые петербургские рисунки Боровиковский сделал под явным впечатлением его альбома «Овидиевых превращений». Он открыл для себя красоту и человечность античности, увлекся идеалом свободного, гармоничного, естественного человека, который будет присутствовать во многих портретах живописца, особенно первого периода, до начала века. Это более всего заметно в женских образах, в их позах, в выражении лиц, в независимости и манере держаться, даже в одежде, лишенной дорогих украшений, которая падает свободными складками и не стесняет движений.

Боровиковскому шел тридцать второй год, и дорога в Академию была для него закрыта: по уставу туда принимались дети пяти-шести лет; после десяти годов обучения из Воспитательного училища их переводили в академические классы. Лишь с 1798 года взрослые вольноприходящие ученики получили доступ в бесплатные рисовальные классы, которые открылись благодаря настойчивости архитектора Баженова.

В имении Капниста, где художник иногда бывал, и дома, в Миргороде, ему доводилось видеть гравюры с полотен хороших мастеров — российских и иностранных, но мог ли он предположить, что станет учеником самого Левицкого? Это длилось недолго, всего несколько месяцев, пока мастер не был занят преподаванием в Академии. Но и то было счастьем — его советы, дружеское расположение, желание помочь, научить тому, что знал и постиг сам. Молодой живописец навсегда проникся благоговейным почтением к учителю, сделал его портрет, который находится теперь в Русском музее и с которым он никогда не расставался.

Совершенно неожиданно самый модный в Петербурге портретист Лампи, приехавший из Вены по приглашению Потемкина, согласился давать Боровиковскому уроки. Он умел придать модели внешний блеск и лоск на западный манер, но не желал вникать в характеры и достоинства, по опыту зная, что лучше их скрыть, чем выставить напоказ. Ему позировал весь высший свет, от большого императорского двора постоянно поступали заказы (он требовал за них небывалые суммы), и все же капризный австриец нашел время, чтобы заниматься с многообещающим российским художником. Огромные, открытые миру глаза молодого человека светло и добро лучились, в них был живой интерес, благородство и еще нечто неуловимое, что́ интуиция определила как талант. Маститый чужестранец не ошибся и впоследствии, пользуясь связями, немало сделал для официального признания своего ученика. Новые знания накладывались на прежний, хотя и самородный, но немалый профессиональный опыт, живописное чутье быстро совершенствовалось.

Две работы, показанные на вкладке, «Лизынька и Дашинька» и порт-

В. Боровиковский. 1757—1825. ПОРТРЕТ М. И. ЛОПУХИНОЙ. 1797.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Боровиковский. ЛИЗЫНЬКА И ДАШИНЬКА. 1794.

Государственная Третьяковская галерея.

рет Христиньи, относятся к ранним созданиям Боровиковского. Сентиментализм открыл для многих, что «и крестьянки чувствовать умеют». Художник знает о брате Капниста, Петре Васильевиче, который организовал в своем имении что-то вроде крестьянской республики и не признавал крепостное право, называя своих крестьян «соседями». У Львовых живописец часто любуется замечательными плясуньями, горничными девушками, и в 1794 году создает их портрет. Через два года в послании «Другу» Державин напишет: «Пусть Даша статна, черноока, и круглолицая, своим взмахнув челом, там у потока; а белокурая живым нам Лиза, как зефир, порханьем, пропляшут вместе козачка...» О Даше Львов говорил, что она способна «лучом веселости прогнать и вечну ночь».

Не зная этих объяснений, трудно предположить, что художник изобразил крепостных. Тем более что он выбрал для этого миниатюру, распространенную в дворянском быте того времени: маленькие, чаще всего овальные портреты во множестве дарили друзьям, близким, заказывали в память о ком-то. О непривычности пока еще новой темы в искусстве свидетельствуют излишняя умилительность и пасторальность, которые есть в этом произведении.

Торжковскую крестьянку Христинью Боровиковский увидел скорее всего в имении Львова, когда приезжал выполнять образа для Борисоглебского собора в Торжке. Героиней небольшого картона, писанного маслом, Боровиковский выбрал кормилицу дочери архитектора. Она одета в нарядный национальный костюм, в кисею, бархат и, безусловно, смущена пристальным к себе вниманием. Живописец пишет миловидную застенчивую крестьянку со всей присущей ему теплотой и сердечностью, стараясь передать праздничную гармонию цветов — изумрудного, алого, золота,— столь же ясных и чистых, как ее душа. Но отчего грустны глаза Христиньи? Почему так невесело смотрит? Художник дает нам понять, как далек и чужд этот легкий, невинный маскарад от ее реальной жизни.

В портрете Христиньи — впервые в русской живописи — отмечен интерес к внутреннему миру человека из народа. Не к его костюму, как это было у Аргунова, не к сценам жизни, как у Шибанова. Но именно к его душе.

Уже были написаны знаменитые «Смолянки» Левицкого. Рокотов создал свои лучшие полотна, и, хотя давно покинул столицу, здесь помнили его великолепные портреты Екатерины в коронационном наряде и ее фаворита Григория Орлова. А из Москвы, где он теперь жил, доходили слухи о совершенно новой его манере, дающей изображению своеобразную таинственность, и о невиданном мерцании красок. Русский портрет набрал силу, и Боровиковскому предстояло развить и упрочить его славу.

Ранние мужские портреты при всей их индивидуальности овеяны светлой верой художника в счастливое предназначение человека для общей пользы исполнять свой добровольный долг перед государством. Прекраснодушные убеждения поощряли Боровиковского на создание полотен, где герои предстают достойными и славными мужами. Он идеализирует их, побуждает жить на холсте по своим законам — чести, добра, справедливости.

В полотнах, особенно в женских образах, светло звучат голубовато-серые, золотистые, сиреневые, розовые, оранжево-желтоватые тона. Они перетекают один в другой, неуловимые, как далёкий и призрачный идеал. «В чем нет мечты? Вся жизнь мечта!» Картины наполняет плавный, изящный ритм изображений, изгибов торсов, поворот голов. Подвижность в воздухе, в цвете, легкая дымка, окутывающая фигуру, дали, рождают впечатление тонкой одухотворенности, искренности, обаяния.

В 1795 году Боровиковский получил звание академика — случай, почти беспрецедентный для человека, не прошедшего академической выучки; исключение было сделано только для него и еще раньше — для скульптора Шубина.

Кисть художника становится блистательной, и он свободно, непринужденно ею владеет. «...легче всего Боровиковского узнавать по рукам в портретах, так как он эти вещи писал в совершенстве»,— такую рекомендацию получил П. М. Третьяков в 1871 году, когда атрибуция холстов художника, развеянных по частным коллекциям, еще только начиналась.

За официальные портреты и заказы ему платили меньше, чем другим художникам, особенно иностранным: он не создавал пышные парадные композиции. Екатерине II не понравилось, как Боровиковский изобразил ее на прогулке в Царском Селе, несмотря на то, что это едва ли не лучший из ее портретов. Считается, что им воспользовался Пушкин в «Капитанской дочке». Вот именно к такой государыне — благосклонной, снисходительной — могла обратиться Маша Миронова за покровительством. Живописец показал ее гуляющей в салопе, с собачкой, как простую помещицу. Вместо того, чтобы представить «земной богиней» в грандиозном полотне с аллегорическим сюжетом, трактующим всемилостивейшие добродетели. И художник никогда не получал от нее заказов. Правда, бывали поручения малого, павловского, двора наследника. Они случались редко и оплачивались крайне скудно, с задержкой. Глядя на эти холсты, понимаешь, что Боровиковский «не льстит и не подличает кистью», по выражению позднего критика. Не любит их писать, хотя и не смеет отказаться. Он делает их с присущим ему живописным блеском, но не наделяет той теплотой души, что согревает портреты знакомых и уважаемых людей.

Свое сорокалетие в июле 1797 года мастер отметил не только поздравлениями друзей и трогательными подарками ко дню ангела. В то время он пишет портрет, который станет со временем символом его имени. «Лопухина» — вершина его творчества, его программа, живописная система и мироощущение. Этот холст возглавляет целую серию портретов художника, ни на что в мировом искусстве не похожих, с характерами и лицами чисто русскими.

Перед его мольбертом, ослепляя сиянием драгоценностей, важностью, блеском парчи, проходит вереница известных сановников, наделенных богатством и властью. Он прекрасно знает, как много значит для этих людей самоутверждение; положение в обществе подтверждается всем, в том числе и роскошью костюмов. И здесь, может быть, не совсем осознанно, мастер сам с собой играет в одному ему известную игру: мужские портреты сверкают золотом расшитых камзолов, серебристыми переливами бархата, яркостью орденов и лент. Он тешит тщеславие своих именитых заказчиков, но, когда изображает женщин, берет реванш: здесь только естественность и простота, которые привлекают его сердце.

Постепенно в полотнах исчезает неопределенность, краски становятся звонкими, ясными, с красивейшими жемчужными переливами. Все ярче вырисовываются характеры.

Через семь лет после избрания в Академию Боровиковский становится Советником Академии. Должность высокая, но козни «учоных мужей» лишают его возможности преподавать в портретных классах. После смерти мастера его любимый ученик Венецианов писал в письме другу: «Почтеннейший и великий муж Боровиковский... перестал украшать Россию своими произведениями и терзать завистников». Интриги Владимир Лукич ощущал всю жизнь, но, бескорыстный и мягкий, не переменился от обид и несправедливостей, жил по совести, помогал ближним; поддерживал родственников, примирял их в ссорах. В его доме постоянно находились пять-шесть учеников, он заботился о них, воспитывал, прощал шалости,— своей семьи у него не было. Каждый день по утрам у дверей квартиры, заполняя всю лестницу, толпились бедняки, приходившие, чтобы получить деньги на обед. Иногда, по субботам, их тут же кормили украинским борщом, который готовила кухарка.

Старик, написанный около 1806 года в виде аллегории Зимы,— один из этих людей. Боровиковский, как и многие в то время, не испытывает прежнего увлечения сентиментализмом. Против «безделок» молодые литераторы выдвигают «важнейшие предметы» — «русскую оригинальность», выражение народного духа и утверждают достойным объектом искусства человека «из низких классов». Но не так-то просто было сразу отойти от традиции. Хотя образ пожилого человека совершенно реален, мастер создает аллегорию. Зима — это ведь и старость, неуклонно подступающая к самому художнику. Правда, ему нет еще и пятидесяти, и потому он не так трагически воспринимает возраст. И все же однажды признается: «Я уже, хотя, впрочем, молод, но старик».

Художник лучше узнал свет, его непостоянство. И кисть спокойно, без былого трепета переносит на холст черты людей, теперь уже довольно заурядные. Многих он пишет не впервые, но оценивает более трезво и строго. Цвет становится суше, но по-прежнему остается таким же насыщенным, звенящим, как нерастраченные душевные богатства самого живописца. Все больше занимают его нравственные качества человека. В 1802 году он написал музицирующих сестер Гагариных, непосредственных, увлеченных,— прелестный двойной портрет. После тоже создает групповые изображения, прославляет семейные добродетели, морализирует.

Он хочет понять этот холодный, равнодушный, часто злобный мир, а прежде всего себя в нем. Владимир Лукич много думает о содружестве и человеколюбии, о самопознании и самосовершенствовании, которые, как ему кажется, могут спасти людей. В 1802 году он вступает в масонскую ложу «Умирающий сфинкс». Но его удручают нелепая таинственность обрядов, часто маскирующая пустоту деяний, жесткая требовательность, постоянные подозрения и властный деспотизм, которые противоречили его натуре, а главное, убеждается, что идеи масонства сильно расходятся с его практикой, не совпадая в самой своей сути. Через два года имя живописца исчезает из протоколов ложи, а позже против его фамилии появляется пометка «изключен».

Душевные искания привели его в 1819 году в «Союз братства», как называл себя мистический кружок Татариновой, собиравшийся в Михайловском замке. Разочарование и тут наступило очень скоро. Через несколько месяцев Владимир Лукич записывает в дневнике: «Все мне кажутся чужды... одно высокомерие, гордость и презрение». Члены кружка нещадно его эксплуатировали, он постоянно и безвозмездно должен был выполнять для них религиозные картины, за которые ему «никто ни слова не сказал благодарности». А ведь «пророки» знали о том «чувстве удручающей бедности», на которое он часто сетовал в своем дневнике в последние годы жизни. Удерживал его «один стыд показаться против хитрой руководительницы неверным... к обществу же ее он не имел уже никакого доверия»,— свидетельствовал приятель мастера.

Художник был слишком открыт и совсем не защищен душою, чтобы активно противостоять беспощадности жизни, и ушел из нее, поняв бесплодность своих усилий в поисках духовного идеала. Однако в общении — с учениками, друзьями — по-прежнему был ласков, великодушен. Истинную радость до конца дней доставляло ему занятие живописью. Оно «по долговременному навыку моему,— писал он родным,— приносит мне и удовольствие»...

ОПТИМАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Григорий **ПОДОЛЬСКИЙ**, Борис **ШАРОВ**

Все решают проблему, где встретить Новый год, по-своему. Одни любят провести эту праздничную ночь в кругу семьи, других в ресторан тянет.

У меня такой проблемы нет. В новогоднюю ночь я иду... на дело. Сами понимаете, люди добрее становятся, беспечнее, дверей не запирают. Лучших условий для моей профессии и не придумаешь.

Как только стрелки часов приближаются к двенадцати, я надеваю перчатки, собираю чемоданчик и еду в один из новых микрорайонов. Выбираю дом на окраине, где, понятно, никто друг друга не знает, захожу в темный подъезд, поднимаюсь по лестнице, одну дверь толкаю, другую... Вот эта открыта...

В квартире шум, музыка, смех... В передней на вешалке пальто, шубы, шляпы разные, бери что хочешь...

Тут кто-то из комнаты выбегает:

— А к нам еще гость! — кричит радостно.— Штрафную ему, штрафную!

Вхожу в комнату, поздравляю всех с Новым годом, внимательно все осматриваю...

«Хорошо живут,— думаю,— улучшается благосостояние людей наших».

Встреча Нового года идет полным ходом, постепенно на меня перестают обращать внимание...

Вот он, самый благоприятный момент! Тут уж не зевай!

— Минуточку внимания! — говорю.— Вот вы тут все беззаботно развлекаетесь в то время, когда у вас на вешалке имеются различные материальные ценности... А двери, между прочим, уже полчаса как не заперты...

Немая сцена, точь-в-точь как в «Ревизоре».

Тут, естественно, кто в коридор пытается выскочить, кто за часы хватается...

— Не волнуйтесь,— успокаиваю их.— Пока все ваши вещи целы и невредимы. Но практически никто из вас не застрахован от злоумышленников или другого бедствия... Поэтому я, страховой агент Топорков Василий Николаевич, предлагаю всем присутствующим заключить договор на страхование домашнего имущества.

Винница.

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Юлиан СЕМЕНОВ

Матери моей Галине Николаевне Ноздриной посвящаю

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

1

Неторопливым, вальяжным, а потому начальственным жестом Назаров пригласил Писарева к длинному, отполированному до зеркальности столу совещаний, поднялся со своего рабочего места, сел напротив, сдержанно улыбнулся, отчего его сильное лицо со следами загара сделалось еще более литым, собранным, и спросил:

— Что будем пить? Чай? Или попросить кофе?

— Если позволите, кофе.

— Я-то позволю, а вот как доктора?

— На сердце пока не жалуюсь.

— Вам сколько?

— Сорок восемь.

— Не возраст, конечно, но уж пора начинать серьезно думать о здоровье.

— Как начнешь думать,— улыбнулся Писарев, чувствуя, как проходит скованность, охватившая его, только он переступил порог этого большого, в деревянных панелях кабинета заместителя начальника главка,— так непременно заболеешь.

— И то верно,— так же улыбчиво согласился Назаров и нажал кнопку, вмонтированную в этот блестящий стол рядом с телефонным аппаратом.

Вошла секретарь с блокнотиком в руках; Назаров покачал головой:

— Нет, писать сейчас ничего не будем. А вот не могли бы вы сварить кофе? Заслуженный артист,— он кивнул на Писарева,— от чая наотрез отказался. Если у нас остался зеленый, узбекский,— заварите мне чашку, пожалуйста, только не крепко, чтоб сердце не молотило; эскулапы требуют соблюдать режим,— пояснил Назаров и, сцепив сильные пальцы, придвинулся к Писареву, опершись локтями о стол.

«И как локти не покатятся? — успел подумать Писарев.— Стол, словно каток».

...Он всегда с почтением относился к тем, кто умел кататься на коньках. Отец как-то привел его в парк культуры; это было в последнюю предвоенную зиму; гремела музыка: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось»; юноши и девушки в байковых курточках и модных тогда очень широких шароварах катились по льду; звук, который издавали коньки, соприкасаясь со льдом, был хирургическим, жестоким.

В раздевалке отец посадил его в кресло, привернул коньки ремнями к ботинкам и сказал:

— Сейчас я надену свои, серебряные, и научу тебя кататься.

Сане Писареву было тогда восемь лет, а отцу тридцать два, и он казался ему очень старым, но самым красивым и умным; он очень жалел отца, особенно после того, как папу сняли из-за брата Лёни с работы и ему пришлось перейти слесарем в автобазу редакции «Известий».

— Ну, пошли, сына,— сказал отец, забросив на плечо свои ботинки, связанные тесемочками.— Давай руку.

Саня поднялся, хотел было протянуть отцу руку, но нога его подвернулась, и он, не удержавшись, упал, больно ударившись локтем об урну.

— Не беда,— сказал отец, подняв его легко и сильно,— я ушибся о камень, это к завтрему все заживет.

— Я об урну, какой же там камень?

— Тоже верно,— легко согласился отец; он всегда легко соглашался с Саней; когда мог, говорил «да»; только раза три в жизни он сказал сыну «нет», и мальчик запомнил эти «нет» на всю жизнь. Особенно одно. Он часто слышал, как сестра отца говорила бабушке: «Лёне уж ничего не поможет, его не восстановят, а Игорь (так звали отца) губит и свою жизнь и жизнь Саньки! Неужели так трудно написать десять слов, отмежеваться от Лёни,— он и так подвел всех нас под монастырь,— и все вернется на круги своя, Игоря зачислят в институт, тебе не надо будет считать копейки, чтобы дотянуть до получки... Саньку и в лагерь-то не взяли из-за его упрямства!»

«Папа,— сказал Санька перед сном, когда отец сел к нему на диван и приготовился сочинять сказку на ночь,— напиши, чтоб меня взяли в лагерь».

«Нет».

«Почему?»

«А что я должен написать»? — после долгой паузы поинтересовался отец.

«Десять слов».

«Какие это должны быть слова, ты знаешь?»

«Нет».

«Если бы тебе сказали, что твоя мама — воровка, что она уносит из своей библиотеки книги к нам в дом, а ты знаешь, что это неправда, но тебе говорят: «Напиши, что она берет книги, и ты поедешь в пионерлагерь «Махру» — ты бы написал?»

«Нет».

«Молодец. Никогда нельзя писать неправду. Говорить, впрочем, тоже. Иногда, правда, случается, соврет человек, стыдно, конечно, но можно простить, если он не со зла это сделал. А вот если он пишет осознанную неправду, тогда он хуже Бармалея и Барабаса. Тогда он просто-напросто... гадюка».

«Как змея?»

«Как змея».

«Живая или мертвая?»

«Живая».

«С жалом?»

Отец высунул язык и сказал: «Вот с таким!»

Санька долго смеялся, а отец гладил его по лицу, и глаза его стали отчего-то очень большими, почти без зрачков.

«Запомни, сына,— сказал он, закончив сказку,— легче всего сказать «да», только есть у нас пословица: «Доброта хуже воровства». Это долго объяснять, но ты это запомни, как «дважды два»,— сгодится, когда вырастешь. Очень трудно говорить «нет»; станут обвинять: «упрямый», «своенравный», обижать станут и обижаться, но если ты знаешь, что прав, иди на все, но ответь «нет». Пройдет время, и незнакомые люди скажут тебе за это спасибо. Большая подлость всегда начинается с маленькой, безобидной лжи».

...Второй раз отец сказал «нет», когда Саня попросил заступиться: его лупили Беркут из второго подъезда и Гога, сосед по парте.

«Почему?» — спросил сын.

«Потому что ты сам должен уметь давать сдачи».

«Но они ж сильней меня!»

«Ну и прекрасно! Неужели ты станешь драться с теми, кто тебя слабее? Это не драка, а избиение. Если они сильней и тем не менее бьют вдвоем, значит, они трусы. А с трусами расправляются. И не бойся синяка: он проходит. А вот ощущение собственной слабости, страх, неуверенность не пройдут никогда, и ты сделаешься несчастным, маленьким мышонком, а не человеком».

...Отец тогда, в парке Горького, вывел Саньку на лед, но мальчик никак не мог стоять на коньках; он то и дело падал, ноги тряслись, разъезжались, отец хохотал, показывал, как надо катиться, расслабив тело. Санька попробовал и снова растянулся, набив себе шишку на лбу. Это было до того обидно, что он заплакал, а отец все равно весело смеялся, и этого Санька не мог перенести: «Какой же ты, папа, жестокий!» И пополз по льду, а мимо него проносились конькобежцы, и звук металла, режущего лед, был страшным и близким.

Отец поднял его на руки, стал целовать, и снова глаза его сделались какими-то по-особенному большими, и Санька, уткнувшись ему носом в шею, прошептал: «Вы все умеете скользить, а я так и останусь на всю жизнь неуклюжим».

И остался. Но с тех пор сохранил какое-то особенное, испуганно-восторженное отношение к конькобежцам, даже все соревнования посещал, силясь понять тайну устойчивости человека на ледяном зеркале.

— Я думаю, Александр Игоревич,— заговорил Назаров,— что разговор наш будет посвящен тому, что вы в своем письме обозначили «генеральной темой». Письмо ваше ставит интересный вопрос, но кое в чем вы перегибаете палку: излишний максимализм в век культурной и научно-технической революции чреват... как бы точнее определить... неоправданным риском, что ли...

Писарев отчего-то явственно увидел лицо отца, услыхал его «нет» и заметил:

— Тот ничего не достигнет, кто не рискует, Станислав Федорович...

Назаров чуть покачал головою, мягко поправил:

— Тот ничего не достигнет, кто не ошибается,— с такого рода формулировкой я готов согласиться. Риск и ошибка суть понятия полярные. От ошибок никто не застрахован, да и поправить ее можно загодя: никогда не поздно просчитать исходные, что ли, данные ошибки. А риск внезапен; экспромт; эмоция, а не спасительная логика. Вы, ваша творческая группа — это малая общность, которая обращается со сцены к большей общности, так стоит ли рисковать в такого рода деле? Будь вы гимнастом — куда еще ни шло, но и там я бы подумал: а ну, не подготовленный толком, грохнетесь и позвоночник сломаете? Каково тогда будет вашему тренеру смотреть в глаза товарищей?

— Искусство не спорт...

— Почему? — искренне удивился Назаров.— Разве катание на льду не искусство? Или возьмите футбольный матч на первенство мира, Франция и Западная Германия. В этом поединке было что-то гладиаторское, а разве можно отказать гладиаторам в праве считать себя артистами?

Писарев улыбнулся:

— Только у нас вместо львов критики...

— И мы еще покоя не даем,— так же улыбчиво добавил Назаров и еще ближе заскользил локтями к Писареву.— Словом, ваши драчливые идеи мне нравятся. Я, конечно, не всесилен, но, сдается, руководство главка поддержит меня. Сформулируйте поточнее темы, которые вы хотели бы вынести на подмостки экспериментальной мастерской.

Писарев собрался было отвечать (он вообще-то говорил сумбурно, увлекаясь, поэтому несколько раз дома репетировал сегодняшнюю беседу), как вошла секретарь с подносом; поставила кофе, чай, сухое печенье и конфеты; обратилась к Писареву:

— Только сгущенного молока в моих запасах не оказалось.

— Спасибо, но я как раз пью черный...

Назаров легко глянул на большие часы, стоявшие в углу кабинета, и Писарев сразу же понял, что времени у него в обрез.

«Только б успеть все выложить,— подумал он,— и не переторопиться».

Он отчего-то вспомнил, как мама учила его: «Прежде чем сказать, проведи языком по нёбу пять раз, ты ведь всегда бухаешь, что думаешь, нельзя так».

А отец сердился: «Если человек боится говорить то, что думает, значит, он дрянь! Из таких получаются предатели!»

Эта разность точек зрения мучила мальчика: когда он поступал так, как советовала мама, его лупили, над ним смеялись: «Трус». Попробовал жить по-отцовски — чуть что не исключили из комсомола в десятом классе.

Поэтому, рассказав своим сыновьям, Васе и Димке, про то, как ему приходилось выбирать между отцом и матерью, Писарев посоветовал: «Вы, парни, говорите то, что думаете; это верно, что из молчунов получаются изменники чаще, чем из тех, кто костит все направо и налево, но все-таки прежде, чем произносить слово правды, проведите языком по нёбу раза три-четыре».

Вася, старший, студент уже, посмотрел на младшего брата (они тогда сидели втроем в кафе-мороженом, это у них был воскресный ритуал с тех пор, как Писарев расстался с Лидой, их матерью, и жил отдельно, сняв однокомнатную квартиру у Потапчука, уехавшего в загранкомандировку на три года) и сказал: «Нам тоже трудно выбирать, па».

Писарев хотел ответить, что не он в этом виноват, но потом сказал себе, что и он виноват, поэтому промолчал и, чувствуя, что выглядит в глазах сыновей жалким, начал делать жесты официантке; та подошла быстро, узнав, видимо, его по недавнему телеспектаклю, и он стал излишне экзальтированно выспрашивать ее про какое-то особое ассорти, и тогда Вася положил свою крепкую ладонь на его колено и сказал: «Па, ты только не сердись, ладно?»

...Назаров придвинул к себе маленький блокнот, лежавший возле телефона, раскрыл его, достал ручку, приготовился записывать; на часы больше не смотрел.

— Мы хотели бы,— продолжил Писарев,— во-первых, сделать представление, очень красочное, некий мюзикл, «Министерство сердечности»... О том, как важно нам всем жить с открытой душой, как горько, когда сердечность исчезает из человеческого общения...

— Хорошая мысль,— отметив что-то в своем блокнотике, улыбнулся Назаров,— только за создание нового министерства вас не похвалят, и так их слишком у нас много, нарушать намерены принцип режима экономии?

— «Центр сердечности» — еще хуже,— возразил увлеченно Писарев.— Вроде как «онкологический центр»...

— Ну, это не мне решать, а вам, я только высказываю соображение; повторяю: идея хорошая, добрая, я «за».

— Второе представление, над которым мы много думали, называется пока что условно: «Урок политеса». Я, знаете, до сих пор не могу себе простить, что в букинистический сдал книгу «Правила хорошего тона»... Студент был, денег не хватало на билет, ехали на море нашей коммуной отдыхать...

— Я помню это издание,— откинувшись на спинку стула, сказал Назаров.— Мы изучали эстетику, и наш профессор советовал нам посмотреть именно эту книгу. Мы тогда,— усмех-

нулся он,— должны были как раз драконить этот хороший тон... Крутые были времена, что поделаешь... Тема тоже интересна, нравится мне все это... Я только не очень представляю, как урок политеса можно сделать зрелищем... Если нет интриги, будут ли смотреть? Впрочем, это опять-таки ваша забота, вы художники, вам и решать...

— Это будет очень сюжетно, Станислав Федорович, поверьте, я не умею рассказывать замысел, мне легче показать все это на сцене, с музыкой, кинопроекцией; зрелище, особенно массовое, всегда сюжетно...

— Уговорили,— легко и тактично поторопил Назаров,— согласен.

— У нас множество планов,— зачастил Писарев, но, вовремя спохватившись, провел языком по нёбу два раза и, кашлянув, заключил: — Политес не в том, чтобы соблюдать внешние правила хорошего тона, это мелко; политес — если хотите — можно также подтвердить неким учреждением типа «Министерство красоты»... Но, угадав смешинку в глазах Назарова за мгновение перед тем, как она вспыхнула, легко отыграл: — Штатное расписание, как понимаю, горплан нам не утвердит, так что поищем варианты. И наконец, последнее из того, что мы считаем первоочередным, столь же важным, как и первые две задумки: спектакль под названием «Вехи»...

— Название не годится, наши горячие головы вас обвинят в «смене вех» и во всем таком прочем! И так многих подкусываете в ваших постановках, думаете, мало у вас врагов из числа перестраховщиков?

— Но это же вехи нашей истории, Станислав Федорович!

— Назовите «этапы». Или «часы». «Звездные часы» наконец; никто не упрекнет вас в подражании Цвейгу.

— Еще как упрекнут...

— Опять-таки я высказал свою точку зрения, вы вправе не согласиться со мною, Александр Игоревич... В конечном счете это вопрос формы... Какие периоды истории намерены осветить?

— Начиная с Киевской Руси через Александра Невского к Дмитрию Донскому, Иван Калита, Грозный, смута, Петр Великий, Радищев, декабристы, Пушкин, «Народная воля», Ленин, революция, борьба с нацизмом, космос, БАМ.

— Думаете уместить в одно представление?

— Нет, мы хотим попробовать сделать спектакль, который бы распадался на три представления, вроде бы трехсерийный, на три вечера.

— Любопытно... Вы никак не тронете проблему борьбы за мир?

Писарев неожиданно для себя заскользил локтями к Назарову и чуть что не выкрикнул:

— Так вот ведь и название, Станислав Федорович! Для всего предприятия! «Концепция мира»! Разве нет?!

— Здорово,— согласился Назаров,— просто здорово.

Он снял трубку телефона, предварительно нажав одну из кнопочек на столе — видимо, включился в сеть,— набрал номер и сказал:

— Кирилл Владимирович, добрый день... У меня в гостях Александр Игоревич Писарев... Да... Именно по поводу его письма. У него очень, с моей точки зрения, интересная идея с созданием нового театра массовых зрелищ... Кто у нас этим занимается? Кто? — Назаров быстро пометил что-то в своем блокноте.— Очень хорошо. Вот вы его и попросите подготовить решение, а письмо товарища Писарева я перешлю вам. Хорошо... Да нет, еще не выносили... Просто-напросто плохо проработано, поверхностно... Как бы сказал Александр Игоревич, бессердечно... Да... Пусть посмотрят еще раз, тогда и примем решение... Хорошо, спасибо...

Он положил трубку на рычаг; лицо его чуть расслабилось, потеплело, когда он увидел сияющие глаза Писарева, ставшие гораздо бóльшими, чем раньше; хотел что-то сказать, но в это время раздался звонок.

— Если б не мог отключаться,— заметил он, снимая трубку,— о работе не было б и речи, звонки, как в справочном бюро.

Глянув еще раз на часы, он сказал:

— Слушаю...

Прикрыл трубку ладонью, извиняюще шепнул:

— Дочка...

Писарев удивился той перемене, которая произошла в лице Назарова: крепко рубленные морщины разошлись, отчего стало заметно, как он стар,— мелкие, сетчатые морщинки на висках, запавшие, усталые глаза, цыплячьи, от постоянного напряжения, продольные складочки на шее.

— Да, Ариночка, да, маленькая... Нет, нет, пара минут у меня есть... Да что ты говоришь?! Ну, поздравляю тебя... Только осторожно, Аришка... Ну, об этом мы еще поговорим. Мы с мамой ждем тебя сегодня. До свидания, Арина...

Он положил трубку, выключил аппарат из сети:

— У Арины очередь на «Жигули» подошла, вчера купила, сейчас номер дали. Она у меня хоть молоденькая совсем, но послезавтра защищается, бытовая химия, чертовски интересно и нужно... Так вот, Александр Игоревич, вашим вопросом, как вы слыхали, займется мой коллега, зовут его Кирилл Владимирович... Возьмите у Аллы Лукиничны — она нас кофе угощала, мой секретарь, мы вместе уж как двадцать лет работаем — номер его телефона и позвоните к нему сразу же, быка надо брать за рога, наше дело чиновное, закрутят по совещаниям, не ровен час забудет. И приглашайте на премьеру.

...В приемной было полно народу.

Алла Лукинична покачала головой:

— Говорили, что на десять минут... Все вы такие, режиссеры да артисты...

Она пропустила к Назарову трех человек из горснаба, сказала ожидающим, что все, так или иначе, смогут посетить Станислава Федоровича до обеда, потом обернулась к Писареву:

— Ну, все хорошо?

— По-моему, замечательно,— ответил он.— Просто-таки лучше и быть не может. Станислав Федорович велел мне от вас позвонить Кириллу Владимировичу...

— Звоните,— ответила секретарь,— вот по крайнему телефону, это наш местный, прямой, три-пятнадцать.

Кирилл Владимирович звонку Писарева обрадовался, спросил о здоровье, планах, посетовал на сумасшедшую погоду и сказал, что через пару дней с Писаревым свяжутся, когда проект решения о создании нового зрелища обретет форму приказа.

...Готовить приказ по театру было поручено не кому-нибудь, а Василию Викторовичу Грущину, который знал Писарева с институтских еще времен; режиссер из него не вышел, он поначалу работал в кинофикации, потом начал пописывать о театре; защитил диссертацию и, наконец, осел в управлении в должности главного консультанта...

2

Труппа репетировала в бывшем складе: начальник отдела нежилых помещений района Трофим Германович Лаптев оказался тем юным «спецом» по кличке «Трюфель», который жил до войны в одной квартире с Писаревыми; они занимали комнату возле ванной, а родители Трюфеля получили чулан возле кухни.

Трюфель был на девять лет старше Писарева и учился в военной «спецухе» возле Бородинского моста; носил клеши и гимнастерку с узенькими погончиками. Ребята преклонялись перед ним; в сорок третьем он ушел на фронт, семнадцатилетним; прощаясь, подарил пацанам кисет с махоркой и три пакетика папиросной бумаги; вернулся — капитаном уже — в сорок пятом, отправляясь на Дальний Восток громить японцев.

Сане Писареву тогда жилось тяжко, мать работала посудомойкой в эвакогоспитале, спасало то, что главврач позволял брать с кухни пюре и капусту в судке; Лаптев пришел к ним в комнату и, взъерошив Санькe голову, положил на стол трофейную «лейку» и упаковку шоколада.

— Перебьешься,— сказал он,— только счастье бесконечно, а всякое горе свой срок знает.

С тех пор они не виделись.

Когда Писарев, взяв двух актрис, много снимавшихся в кино, и композитора, песни которого знают и любят, пришел на прием просить хоть какое-нибудь помещение в аренду для его труппы, Лаптев, щуря маленькие, слезящиеся, прозрачно-голубые глаза-буравчики (глянет — как прошьет, поэтому глаза поднимал редко, боясь, видимо, понять все то, что про него, замухрышистого, в стоптанных ботиночках и кургузом пиджачке не по росту, думали), выслушал просьбу и, резанув Писарева глазами, ответил уныло:

— М-да, вот штука-то кака...

Писарев тронул локтем актрису Киру; та, подвинувшись к Лаптеву так, чтобы он близко видел и лицо ее и вырез на платье и ощущал аромат горьких духов, повела свою — заранее расписанную — роль:

— Трофим Германович, станьте нашим другом и советчиком! Мы обещаем вам, что наш театр сделается самым массовым в районе, самым добрым, самым нужным людям!

Вступил композитор:

— Молодежи негде проводить вечера; танцзалов у них нет, кафе тоже, пивных — тем более, вот они и разбредаются по подъездам и подворотням, хулиганство, драки, пьянство. Театр станет неким магнитом, и нужно для этого всего-навсего позволить труппе арендовать пустой склад в Опалихинском...

— М-да,— снова повторил Лаптев и приготовился слушать вторую актрису, Клару.

Та стала говорить ему о трагическом величии подмостков, о Станиславском, о том, как тот начинал; Лаптев вертел в плоских пальцах огрызок химического карандаша, согласно кивал головою, потом, откровенно зевнув, откинулся на спинку скрипучего канцелярского стула и, прикрыв ладонью рот, сказал:

— Поскольку театр начинается с вешалки, во-первых; поскольку вы не можете работать без кулис и подмостков, во-вторых; и, наконец, в-третьих, поелику актерам нужны гримуборные, склад на Опалихинском вам никто не даст.

Писарев посмотрел на коллег, вытаращив глаза (они у него — это от отца — делались большими, вываливающимися, что ли, когда он удивлялся чему-то или радовался, редко — если был обижен), потом захлопал в ладоши:

— Господи, живой! Он живой, люди!

— Я живой,— ответил Лаптев,— а ты Санька, что ль?

— Ну, да,— ответила Кира,— Александр Игоревич...

— А я Трюфель,— улыбнулся Лаптев, поднял глаза на Писарева и вдруг замер, весь съежившись, оттого, что испугался: а вдруг тот не вспомнит. Тогда вся его игра (он к ней загодя готовился, зная, что на прием записался Александр Писарев, заслуженный артист и лауреат) обернется жалкой и не понятной никому клоунадой; и он представил вдруг себя со стороны, а дальше и не знал, про что думать, пока Писарев не поднялся медленно, обошел стол и потянулся к Лаптеву, словно к старенькому отцу, и они обнялись, и начали молча и судорожно — что со стороны казалось ужасно деловитым — тискать друг друга и ерошить волосы.

Кира заплакала, а композитор и Клара отошли к окну.

— Ну вот что,— сказал, наконец, Лаптев чужим голосом,— я тут на всякий случай в шашлычной заказал столик у Жоры, пошли, там и поговорим, я ж нарочно прием на пять тридцать назначил, чтоб вы были последними, приглашай друзей, Саня, милости прошу...

Как и большинство людей, влюбленных в искусство, Лаптев был невыразимо горд тем, что Писарева он называл Саня, был чуть снисходителен к нему, когда представлял в шашлычной Жоре; после первой рюмки заговорил о театре Максимова; заботливо и чуть старомодно угощал актрис, наблюдая, чтобы у них

были самые прожаристые куски мяса; загрустил, когда композитор, так и не выпив ни рюмки, поднялся из-за стола: «Концерт, нельзя опаздывать»; «Да как же, только сейчас чебуреки сделают, Жора сам в честь Сани решил приготовить, он мастер по этому делу»,— и чуть не до слез обиделся, заметив, что Писарев полез за деньгами, расплачиваться.

— Сань, так не надо, я ж заранее все подготовил,— сказал он тихо,— для тебя это просто вечер, а я как словно озону надышался...

Потом, отправив актрис по домам, они ходили по городу чуть что не до утра; Лаптев рассказывал про себя; в шестидесятом демобилизовали, полковник в отставке; дочь замужем, на Шпицбергене, надо покупать кооператив; старуха, да-да, старуха, пятьдесят девять, она ж на два года старше меня, хворает, ревновать стала, как задержусь, так, значит, у баб, а мне б только до дивана и телевизор включить заместо массажа, говорят, как журчат, если не вслушиваться, то и заснешь спокойно, без димедрола; пенсия богатая, двести пятьдесят, и старуха сто десять, но без работы нельзя, погибель, думы грызут, все тебе не то, все не туда, а когда сам в деле, так мир чище видишь, понимаешь две стороны медали, не только на дядю, что сверху, гневаешься, но и на себя самого, на всех нас, тоже хороши; Обломов, Сань, не в Америке родился и не при нашем строе, так что коли все на шустрых валить, и вовсе замшеем, на себя надобно оборачиваться, как-никак мы сила, с нас и спрос; а ты изменился, знаешь, вроде б даже помолодел; нет, правда, мы ж не женщины, чтоб комплиментировать, в тебе, мальчишке, больше старика было, чем сейчас; я понимаю, любимое дело всему голова, как песню поешь каждый день с утра; знаю, и про папу твоего знаю и про матушку, я ж в нашу квартиру заходил, покуда тетя Фрося из девятой комнаты не преставилась, ей же телефон поставили за два года до смерти, как ветерану, так она всех обзванивала, все про всех знала, старушка, пусть ей земля будет пухом; она на тебя не сердилась, они ж, старухи, добрые, говорила, что ты ей часто звонишь, а мне-то известно, что ты и номера ее не знал, два раза торт принес, от твоего имени записочки писал, ну чего ты, Сань, ну, не надо, извини, ей-богу...

...Склад писаревской труппе дали через две недели, Лаптев провел решение рекордно быстро, причем сумел сделать так, что тарной базе, примыкавшей к складу, предложили другое помещение, и Писареву, таким образом, представилась возможность переоборудовать базу под мастерские, гримуборные и костюмерную. Комсомольцы района помогли отремонтировать склад и базу, выходили, как на субботник, два месяца кряду; программа была вчерне подготовлена, но все дело, как всегда, уперлось в формалистику: нужно было получить официальное разрешение на название театра, утвердить Писарева главным режиссером и выбить штатные единицы — директора, администратора и художника; все остальное взяли на себя комсомольцы, даже оркестр и механику сцены.

И вот сейчас, выскочив из такси, Писарев бегом пересек двор, прошел сквозь крошечный вестибюль, задрапированный ситцем так ловко, что казалось — муар или атлас, черт не разберет, толкнул ногою тугую дверь, обитую войлоком, и оказался на сцене.

Здесь на табуретках, столах и стульях, на всем небогатом пока еще реквизите, принесенном из домов, устроилась вся труппа: и профессионалы, репетировавшие у Писарева в выходные дни, и студенты театральных институтов, тайно посещавшие его занятия, и самодеятельные артисты.

Было очень тихо; все знали, что решается их судьба; собравшихся освещала маленькая сорокаваттная лампа, болтавшаяся под потолком; возле Киры сидел Лаптев, он теперь дневал и ночевал в «театральном складе».

— Ура,— тихо сказал Лаптев, первым увидав Писарева.— Победа, Сань?!

— Но какая! — закричал Писарев.

Продолжение следует.

ЩУКА

Александр ХУРГИН

В некотором бывшем царстве, не за тридевять земель, а тут, рядом, жил — и жил, надо сказать, неплохо — один молодой человек по имени Емельян, или попросту Емеля.

И вот однажды поехал Емеля на своей собственной «Волге» с женой к реке зимним воздухом подышать, закусить чем бог послал на морозце, погулять, в общем.

Гуляли они, гуляли и, нагулявшись, решили пообедать. Достали из багажника бутылочку с наклейкой, как небо звездное, колбаску под кодовым названием «сухой лист», плитку к аккумулятору приладили, приступили к подготовке. Жена картошку чистит, а Емеля с ведром за водой идет.

Приходит он к речке, находит прорубь, нагибается и ведром черпает из проруби воду. Достает ведро и — вот это да! Щука!

— Сейчас мы ее! — радуется Емеля. — Вот обедик будет. И откуда она только тут у химзавода, где десять лет даже головастика никто не встречал, взялась? Дура.

Только это подумал Емеля, как щука ему говорит человеческим голосом, без всякого акцента:

— Отпусти меня, Емеля, пожалуйста. Что хочешь для тебя сделаю. Отпусти.

— Да ты еще и разговариваешь! — удивился Емеля.— Здорово!

— Отпусти, — говорит щука, — любое твое желание исполню.

— А что, к примеру, ты можешь?

— Все могу, — говорит щука. — Вот, к примеру, могу, чтоб ведро твое само на берег пошло. Воду никогда сам носить не будешь. Только скажи: «По щучьему велению, по моему хотению»,— и все. Смотри.

Смотрит Емеля, правда, ведро само топает.

— Недурно, — говорит. — Только зачем мне это? В цирке я выступать не собираюсь, а дома у меня водопровод с холодной и горячей водой.

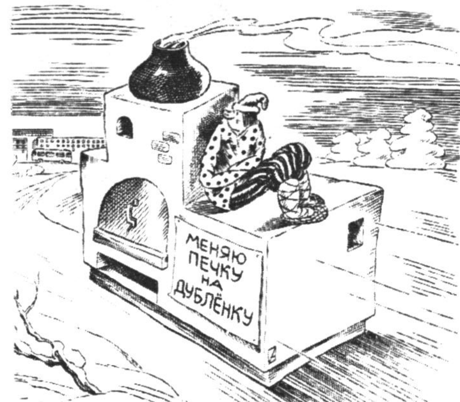
— Ну, тогда могу твою печь ездить заставить и быстрее тройки. Скажешь заветные слова и кати куда надо. Прямо сквозь стену,— предлагает щука.

— Ты даешь, рыба, — смеется Емеля.— Какая печь? Сквозь какую стену? Я на шестом этаже живу. И плитка у меня газовая. На ней ездить неудобно. Я вон на «Волге» езжу и не жалуюсь. Так что это мне тоже ни к чему. Ты вот лучше лифт наш заставь регулярно ездить.

— Лифт? — спрашивает щука. — Лифт, это я, пожалуй, не смогу, а вот на принцессе тебя женить — это свободно. Хочешь?

Тут Емеля просто за бока взялся.

— Ты что, — говорит, — спятила совсем? Ну, на кой мне принцесса? У меня жена завпродбазой работает. Завбазой! Чувствуешь, как звучит? А ты: «Принцесса». Нашла дурака.

— Тебя царем сделаю! — кричит в отчаянии щука.

А Емеля прямо в снег от смеха сел.

— Царем? Ну, умора! Да ты знаешь, кто я? Да я же в автосервисе рихтовщик. Ко мне все цари-короли с земным поклоном идут и каждый по полцарства дает, чтоб я ему машину отремонтировал более или менее прилично. Не смеши ты меня, ради бога. Ты, если такая всемогущая, лучше дубленку мне организуй по госцене. Можешь?

Молчит щука.

— Ну, на Дюму подписку. Что, не по зубам? А билет в Большой? Молчишь? Пододеяльники? Не можешь? Эх, ты! Все могу, все могу! Трепло ты, а не волшебница.

И потащил щуку на берег, к костру.

Днепропетровск

Рис. А. Орехова.

Рис. В. Бреуса и Н. Латыпова.

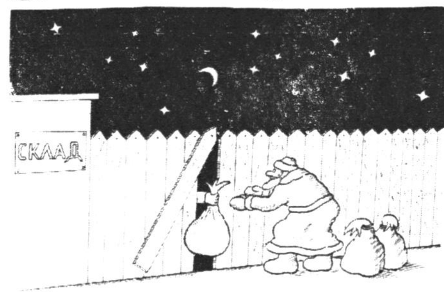
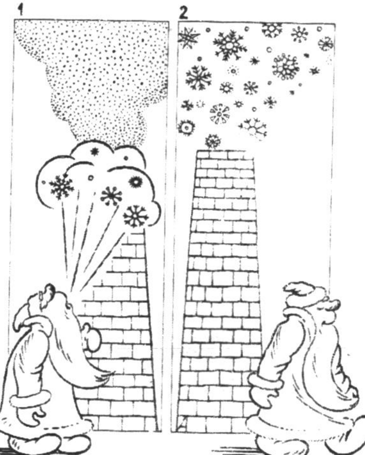

Рис. А. Орехова.

Оптимист.

Рисунки А. Дмитриева.

Раздумья тренера.

В ГОСТЯХ У

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

О встрече с Олей Бичеровой я договаривался по телефону не с ней, а с ее мамой — Людмилой Васильевной. Все-таки несмотря на все свои высокие титулы, включая и звание абсолютной чемпионки мира по спортивной гимнастике и обладательницы Кубка мира, главой дома Оля пока еще не является.

И вот я на Фестивальной улице, невдалеке от метро «Речной вокзал», в гостях у семьи Бичеровых, где уже привыкли к тому, что слава их шестнадцатилетней дочери давно уже перешагнула рубежи страны, о чем говорит каждодневная почта.

Вот с писем и начинается наш разговор, и Людмила Васильевна просит:

— Если можно, поблагодарите всех, кто Оле пишет, и извинитесь за нее — нет у девочки возможности отвечать на все письма, каждая минута на учете.

Как же строится день юной чемпионки мира, ученицы 9-го класса московской школы № 220?

Да так же, как и у многих ее сверстниц,— школьные занятия, уроки, общественная работа (комсомолка Оля Бичерова — политинформатор в шестом классе). Но к этому всему у нее еще две напряженные тренировки в день — утром, до школы, и вечером, после занятий, так что домой она приходит обычно к девяти часам, чтобы только после ужина открыть учебники и тетрадки. Но к этому следует добавить, что Оля все свои школьные годы — круглая отличница.

Да, жизнь Оли Бичеровой проходит не в вихре вальса, хотя под звуки музыки с помощью балетмейстера Галины Владимировны Савариной она кружится по ковру, разучивая вольные упражнения — один из самых ее любимых разделов гимнастического многоборья.

— Вот так мы и живем,— говорит Людмила Васильевна,— а с чего это все началось, мы вам сейчас покажем.

И я смотрю на фотографию Оли Бичеровой, сделанную в то теперь уже далекое время, когда она предпочла фигурному катанию, с которого началась ее жизнь в спорте, гимнастику. Вот Оля шагает третьей в шеренге своих подруг, и какой же крохотулькой кажется девочка рядом с плечистыми гимнастами.

Этот снимок сделал Анатолий Сергеевич Бичеров на одной из первых тренировок своей дочери. В тот год она уже перешла во второй класс, начала заниматься в «Спартаке» у Тамары Алексеевны Черневой, а потом ее приметил

Чемпионат мира. Упражнение на бревне.

ЧЕМПИОНКИ

среди таких же малышек тренер школы высшего спортивного мастерства Борис Георгиевич Орлов, который и до сегодняшнего дня занимается с Олей, деля с ней поровну и радости, и горести, и победы, и поражения.

Этот талантливый, умный и добрый человек, ставший для Оли не только непререкаемым учителем, но и старшим другом (он подружился и с родителями Оли, бывает в их гостеприимном доме и рад видеть Бичеровых у себя), когда я спросил его, как ему удалось угадать способности Оли, ответил коротко: по ее глазам.

Глаза девочки, пытливые, внимательные, говорящие об ее интеллектуальных, а не физических возможностях,— вот что привлекло внимание тренера. И Орлов не ошибся в своей ученице.

Зрители в общем-то заметили Олю Бичерову только после ее победы на чемпионате мира в 1981 году, а девочка еще за три года до этого испытала свои силы на соревнованиях, не раз терпела неудачи (на своих первых состязаниях Оля двенадцать раз падала со снарядов), да и на чемпионате мира ее включили в команду в последний момент, а она превзошла самых искусных, самых опытных гимнасток мира.

Пока Оля не появилась, Людмила Васильевна и Анатолий Сергеевич, оба инженеры по профессии и болельщики своей дочери по призванию, прислушиваясь, не хлопнет ли входная дверь, показали мне первый Олин приз — большого медведя и два последних, завоеванных на мировом чемпионате и на Кубке мира, а затем принесли стихотворный адрес, которым ее встретили школьные друзья.

В тот момент, когда я читал его строки, в дверях раздался тоненький, почти детский голос:

— Мама, я пойду куплю мороженое.— И тут же снова хлопнула дверь.

— Ну вот, видите, какова,— сказала Людмила Васильевна.— Любит мороженое. И еще любит книжки читать. Сейчас носится с томиком «Двенадцать стульев», сидит в метро по дороге на тренировку и хохочет во все горло. И еще любит театр — мы обе театралки. Дайте только ей возможность купить билеты, и усталость у Оли как рукой снимет.

— А устает дочь?

— Конечно, устает. Вот сегодня воскресенье, а у нее тренировка четыре часа, и выходной от гимнастики только в субботу. Когда она была поменьше, я ее собачкой хотела соблазнить: Оля очень собак любит. Сказала ей: бросишь гимнастику — куплю тебе собачку. Отказалась. А теперь водит гулять соседского пса.

И тут снова раздался голос Оли:

— Купила свое любимое. За сорок восемь.— И я, наконец, увидел Олю не в спортивном зале, а у нее дома.

Какая же она маленькая, худенькая! И глаза такие, какие заметил когда-то Борис Георгиевич Орлов.

— Ну, как прошла тренировка? — спрашиваю я.

— Нормально. Занимались на всех четырех снарядах.— И я чувствую, что о деталях долгой четырехчасовой тренировки Оле говорить не хочется.— Давайте лучше чай пить,— предлагает она.

И вот меня угощают протертой с сахаром земляникой, которую этим летом под Калугой Оля собирала вместе с Людмилой Васильевной.

Девочка как девочка. Коллекционирует марки, дружит с девчонками по классу и с подругами по сборной команде — Аллой Мисник, Аллой Шишовой, Наташей Юрченко, ну, а Мария Филатова для нее уже взрослая. Такова она, трудолюбивая отличница гимнастического помоста Оля Бичерова.

...А больше всего Оля любит прыжок.

Семья на прогулке.

Третья в шеренге...
Фото А. С. Бичерова.

На тренировке.

Физика — предмет серьезный.

ОТДАЮ ВАМ СВОЕ СЕРДЦЕ

«Его искусство настолько пленительно, что покоряет людей любого возраста...» — так писали газеты о концертах Эмила Димитрова. Ему рукоплескали Париж и Мадрид, Рим и Тбилиси, Рига и Амстердам, Вена и, конечно же, Москва. Он сам не назовет все города, в которых переполненные залы взрывались аплодисментами на гала-концертах «болгарского Беко», как окрестили его парижане. И ни одна из двухсот (!) пластинок, на которых записан голос Димитрова, не залеживалась долго на прилавках магазинов.

Больше пятнадцати раз приезжал Эмил Димитров на гастроли в нашу страну. «Сюда я еду к друзьям, а СССР называю второй родиной,— не раз говорил певец и композитор из Болгарии.— В стране роз на Балканах я родился и вырос, в Стране Советов получил признание и утвердился на профессиональной сцене...»

Последнее турне Димитрова по советским городам длилось ни много ни мало почти два месяца, и закончилось оно в самый разгар новогодних приготовлений. Я встретился с Эмилом в номере гостиницы «Россия».

— Первым делом хочется спросить: не обладает ли Эмил Димитров какой-то особой тайной, позволяющей ему вот уже на протяжении двадцати с лишним лет стабильно держаться «на гребне популярности»?

— Эстрада не мадридский двор, какие там тайны! Секрет моего творческого долголетия несложен: работа, работа и еще раз работа.

— От имени всех читателей примите поздравления с высокой наградой, которой вы не так давно удостоены, орденом Георгия Димитрова...

— Спасибо. О награждении я узнал здесь, в Советском Союзе. Высокое доверие надо оправдывать, от меня ждут новых песен, и они, я уверен, будут.

Надо заметить, что у Эмила Димитрова-композитора около трехсот песен собственного сочинения. Их с удовольствием включают в свой репертуар известные мастера мировой эстрады, слова многих переведены на русский, польский, немецкий, итальянский, английский и другие языки. Как тут не вспомнить знаменитую — «Арлекино», принесшую в 1962 году тогда еще молодому композитору и певцу первое международное признание на фестивале в польском городе Сопоте.

— Не только мне, но и Алле Пугачевой, исполнившей русский вариант «Арлекино» тринадцать лет спустя на фестивале «Золотой Орфей» в моей родной Болгарии,— говорит автор популярной мелодии.— С тех пор песня разошлась по свету в пятнадцати миллионах экземпляров, а у нас с Аллой завязалась настоящая творческая дружба. Обязательно бываю у нее в гостях, когда нахожусь в Советском Союзе, часто она становится первой слушательницей моих новых произведений.

— И в этот раз тоже?

— Конечно. Среди новинок — «Дом моей мамы», «Вещая волшебница», «Песня о дружбе» и многие другие. В будущем году мы с Аллой хотели бы поработать над совместной программой — это одна из моих новогодних задумок.

Однажды Эмил Димитров отвечал на анкету, в которой среди массы вопросов были и такие: «Ваш любимый цвет? — Красный. Любимые цветы? — Гвоздики. Любимое время года? — Зима. Любимый праздник? — Новый год. Любимое женское имя? — Мариэтта...»

— Кажется, так зовут вашу жену, мне приходилось бывать на концертах, которые она вела...

— Верно. Мариэтта к тому же здорово помогала в составлении программы, а это совсем не так просто, как может показаться. Каждая последующая песня обязана органично дополнять предыдущую, зритель должен воспринимать концерт как единое целое и в лирическом и в драматургическом плане. Теперь Мари воспитывает сына, которого зовут, как и меня,— Эмил. Парень учится в школе, а дома не дает маме покоя — поет и часами играет на барабане.

— Если учесть, что ваши родители были известными в Европе иллюзионистами, думаете, и сын не отступит от семейной артистической традиции?

— Надеюсь и верю...

— Итак, у Эмила-младшего все начинается с барабана. Хочется узнать о первых шагах в искусстве его отца...

— Когда мне было лет десять, в своем родном Плевене я играл роль гнома в пьесе «Белоснежка и семь гномов». Вообще-то профессия у меня — артист, я окончил театральный институт у нас в Софии. Увы, на профессиональной сцене играть драматические роли так и не пришлось!

В редкие минуты домашнего отдыха, выпадающие в перерывах между гастролями, Эмил Димитров становится у мольберта. По мнению большинства друзей, он неплохой художник. Сам же считает, что...

— ...рисование немного успокаивает, настраивает на лирический лад. Помимо этого, картины иногда наталкивают на создание песенных образов. Сначала я нарисовал маленького смешного человечка-арлекино, а некоторое время спустя родилась известная песня... Жаль только, что времени на любимое занятие почти нет.

— Какую музыку предпочитаете слушать на досуге?

— Люблю старинные болгарские песни, русскую классику, особенно Мусоргского и Чайковского, записи моих друзей — французских певцов Жильбера Беко и так рано ушедшего из жизни Джо Дассена.

— Если бы на моем месте был журналист Эмил Димитров, какой вопрос он задал бы певцу Эмилу Димитрову?

— Кажется, нет такого вопроса, который еще не задали мне журналисты. Хотя вот вспомнил: все думают, что любимая моя песня «Арлекино», никогда об этом не спрашивают и ошибаются.

— Считайте так: этот вопрос задан вам читателями «Огонька»...

— Песня, которой, как правило, заканчиваю каждый концерт. Ее всегда подхватывает зал, и мы поем вместе: «Моя страна, моя Болгария!» Это наибольшая моя удача, в ней, словно в капле воды, отразилась любовь к воспитавшей меня отчизне, к ее людям, которым отдаю всего себя без остатка.

...Ударили куранты на Спасской башне, вид на которую открывался из номера Эмила Димитрова в «России». Я решил задать последний вопрос:

— Что ждете вы от Нового, 1983 года?

— Это рубеж, перешагнув который надо идти дальше. Я жить не могу без мечты, и пусть вдохновение подарит мне песню, которую споет вместе со мной весь мир.

Интервью взял
В. КОВАЛЕВ.

НОВОГОДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Алексей ГОЛИКОВ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Деревеньки Боры Большие и Боры Малые утонули в снегу почти по самые крыши. Между ними — летное поле. Его каждый день утрамбовывают тракторы большими, тяжелыми катками. Вдалеке, за полем, синеет зубчатая стена леса. Сюда после месяца ожесточенных боев перебазировали то, что осталось от нашего истребительного полка. Мы попрежнему входим в состав боевой авиации Западного фронта, хотя в полку не осталось ни одного пригодного к полетам самолета.

В день прибытия, видимо, ожидая полк в полном составе, в летной столовой работники БАО — батальона аэродромного обслуживания — приготовили торжественную встречу. На столиках, накрытых белоснежными скатертями, в стеклянных вазочках зеленели еловые и сосновые веточки. На красной материи были написаны слова приветствия воинам нашего истребительного полка, пожелания новых побед над фашистскими стервятниками.

Мы, три рядовых летчика, три младших лейтенанта, уселись за одним столиком и в пустой столовой почувствовали себя одиноко, заново ощутили горечь огромных потерь этого проклятущего месяца. Саша Нахутин, невысокий, широкоплечий силач из 1-й эскадрильи, невесело пошутил, что не хватает оркестра.

— Исполнить похоронный марш,— уточнил Аверьян Ржевский, длинный, как вечерняя тень, со светлыми жесткими глазами.

Гостеприимным хозяином к нам подошел начпрод БАО, пожилой интендант, призванный из запаса, с улыбкой сказал:

— Здравствуйте, гордые соколы! Всем ли вы у нас довольны? А где же остальные?

— Там! — Ржевский указал пальцем вверх.

— Неужели еще летают?

— Ангелами. На грешной земле из летчиков полка только мы трое остались. Но это, надо считать, задержка временная, скоро тоже за ними отправимся.

— Какие страшные потери! — Интендант дрогнувшей рукой достал папиросу, закурил.— У меня сын тоже летчик, тоже на фронте. — Сказал и пошел, по-стариковски сутуля спину.

Пообедав, мы до одури парились в деревенской бане, усердно орудовали березовыми вениками. После бани наступило приятное ощущение чистоты и усталости, но нечеловеческое нервное напряжение минувших боев, от которого будто оледенело сердце, осталось.

На квартире нас разместили в деревеньке Боры Большие. Улегся в удобную постель, раскрыл Блока — однотомник в синем переплете, взятый из дома. Его стихи всегда доставляли радость, но на этот раз читать не смог: сразу вспомнил своего друга и командира нашей эскадрильи Сережу Старова. По прибытии в полк я был назначен к нему в пару ведомым летчиком. Он научил меня мужеству, сделал истребителем. Сережа любил играть на баяне, петь, а вот стихи — я пробовал читать ему Блока — не одобрял. Он их просто не понимал. «Ну разве можно так писать: «В степи грустят стога»,— говорил он,— и ребенок знает, что стога грустить не могут, они просто стоят».

Его удивило и рассмешило, когда я после первого боевого вылета отказался от фронтовых ста граммов перед обедом. Говорю: «Не пью, может, кто пожелает?» Желающие, конечно, сразу нашлись, а командир спрашивает: «Может, ты и не куришь?» Отвечаю: «Не курю». Он засмеялся: «Мой ведомый, младший лейтенант не Василий Кузнецов, а Василиса Прекрасная». И потом, когда был доволен своим ведомым, с улыбкой говорил обо мне в женском роде: «Моя-то Василиса Прекрасная сегодня лихо «мессера» сшибла». Это о первой и пока единственной личной победе, моем, так сказать, звездном часе.

В том последнем бою на нас двоих слишком много навалилось «мессеров». Я прикрывал Сережу, как положено, видел всех противников, но сделать уже ничего не смог. Хорошо, что дрались над своей территорией. Сначала они расправились со мной. От пушечной очереди крыло моего самолета разлетелось на куски. Я выбросился из кабины, чтобы уйти от фрицев, открыл парашют у самой земли. Благополучно приземлился и еще засветло добрался до своего аэродрома. А командир с этого вылета не вернулся.

Захваченный воспоминаниями, я не заметил, как крепко заснул. Среди ночи разбудил посыльный: срочно явиться в штаб полка. Оделся по тревоге, выскочил на крыльцо. В ясном небе висел обледенелый месяц, стужа стояла лютая. В штабе получил приказ немедленно ехать на станцию, куда эвакуировали чьи-то авиаремонтные мастерские. Там готов самолет связи У-2, его надо получить и немедленно перегнать сюда.

Машину мне дали в батальоне авиационного обслуживания — видавшую не одну бомбежку полуторку. Ее кузов кое-где посекли осколки, боковые стекла в кабине были выбиты. Водитель, пожилой молчаливый солдат, к дороге успел подготовиться основательно. Позаботился и о сухом пайке, а когда инженер полка дал мне флягу со спиртом, сказал, что теперь по такому морозу в дальний путь мы вполне готовы.

В полдень приехали в районный центр — старинный волжский городок. Остановились на базарной площади с пожарной каланчой и каменными, еще купеческими торговыми рядами. Площадь была безлюдна. Я пошел узнать, как нам лучше ехать дальше, а когда возвратился, то возле машины стояла женщина, закутанная так, что даже глаз не было видно, маленькая щелочка, оставленная платком, заиндевела от дыхания.

— Товарищ младший лейтенант,— сказал шофер,— вот бабушка просит довезти до станции. Кроме нашей, ни одной попутной машины нет.

— Так она у нас в кузове замерзнет.

— А там лежат ватные чехлы для подогрева мотора — инженер мне велел взять.

— Тогда пусть едет,— разрешил я.

— Спасибо, сынок,— сказала бабушка приглушенным голосом.

Я подсадил ее в кузов, и шофер хорошенько укрыл ее чехлами.

— Спасибо, сынки,— еще раз поблагодарила она.

За городом дорога все время шла лесом. Мачтовые сосны в лучах морозного солнца казались неповторимо прекрасными. Их ветви алмазно искрились снегом, а могучие стволы казались кованными из бронзы. Но любоваться ими я не мог. Мысли, как по замкнутому кругу, постоянно возвращались к недавним боям, к погибшим товарищам, к Сереже Старову. «Они уже никогда не увидят этой красоты, не почувствуют на щеках обжигающего мороза, их просто нет, и меня тоже скоро, может быть, не станет. На то и война!» — думал я.

Стало смеркаться. В студеном небе зажглись первые, еще неяркие звезды. Сосновый бор кончился, и мы въехали в село. По карте до станции оставалось еще километров сорок, и я решил заночевать здесь. Похоже было, что через село войска не проходили, военных не было видно, а значит, помещение найдется и встретят приветливо.

Остановились возле дома под железной крышей, с красивыми резными наличниками, со всеми признаками довоенного достатка. На крыльцо вышла старуха в накинутом на плечи полушубке.

— Заходите, служивые,— пригласила она.— Мои сыны тоже воюют, дом большой, места всем хватит.

Шофер залез в кузов и ссадил мне на руки бабушку. Захватив ее чемодан и наши вещевые мешки, пошел за хозяйкой в дом, а я отправился в сельсовет узнать, как нам дальше ехать и хороша ли дорога. Подзадержался там, а когда вернулся, то на столе уже кипел пузатый самовар, стоял чугун с горячей картошкой, на тарелках лежало нарезанное сало, колбаса, селедка — сухой паек, выданный нам начпродом в дорогу. В доме было тепло и уютно. Шофер грелся у печки, а молодая, как мне сначала показалось, совсем юная женщина что-то доставала из чемодана нашей пассажирки.

— Это чемоданчик-то нашей бабушки,— на всякий случай предупредил я.

— А я и есть ваша бабушка,— засмеялась женщина.— Зовут Елена Михайловна, врач, получила назначение в военный госпиталь, вот и добираюсь к новому месту службы. А вы, судя по одежде, летчик?

— Да,— растерялся я,— младший лейтенант Василий Кузнецов.

Сняв летный шлем и меховой комбинезон, внезапно почувствовал, что промерз до костей, что всего знобит. Хозяйка пригласила к столу.

— Товарищ младший лейтенант, про спирточик-то не забудьте,— осипшим от мороза голосом напомнил шофер.— Сейчас в самый раз согреться.

Разведенный спирт я пил впервые, поперхнулся, закашлялся до слез. Елена Михайловна шутливо постучала меня по загорбку, сказала, что я, видно, еще не научился пить спирт, что это хорошо и что она сама выпила только, чтобы не заболеть — в кузове промерзла, мороз-то ой как пробирал.

Шофер, плотно поужинав, пошел спать и сразу захрапел. Хозяйка, изрядно захмелев, тоже отправилась на покой. За столом мы остались вдвоем с Еленой Михайловной. Я смотрел на ее красивые добрые глаза, пухлые яркие губы, пышные золотистые волосы и чувствовал, как в моей груди словно что-то оттаивает, словно спадают оковы, в которые я заковал душу, чтобы выдержать нечеловеческое напряжение непрерывных боев, постоянной встречи со смертью... И неожиданно для себя я стал рассказывать то, чего никогда никому не говорил.

Вспомнил, как перед отправкой на фронт посчастливилось на минутку забежать домой к родителям. Прощаясь со мной, мама горько плакала и говорила: «Ты у меня на руках вот такой маленький был, а теперь умирать едешь». А потом дала мне написанную на листочке молитву, с которой папа в первую германскую воевал. Молитва была, видимо, древняя, обороняющая от «меча булатного» и «стрелы каленой».

«Ты комсомолец и в бога не веришь,— сказала мама,— но чтобы моя молитва всегда была с тобой. Это материнский наказ».

Рассказал, каким растерянным и подавленным чувствовал себя, попав на фронт. Недоумевал: где же наша несокрушимая авиационная мощь, о которой нам твердили в училище... Превосходство немцев в самолетах было подавляющим, и даже за малую победу в воздухе приходилось платить большой кровью.

Не утаил, как испугался в первом воздушном бою, и как меня трясло мелкой, противной дрожью, и как с ужасом подумал, что я жал-

кий трус, и как научился владеть собой, воевать беспощадно, со злостью.

Рассказал о последних боях, о том, как страшно на глазах погибали товарищи и каким опустошенным и потрясенным после этого возвращаешься на свой аэродром и что сейчас в полку нас, летчиков, в живых осталось только трое.

Елена Михайловна глядела на меня задумчиво, грустно, и лицо ее было прекрасно. Никогда в жизни я не видел женщины красивее. Я взял ее маленькую сильную руку, поцеловал в ладонь и стал читать из своего любимого Блока:

Вы предназначены не мне.
Зачем я видел Вас во сне?
Бывает сон — всю ночь один:
Так видит Даму палладин...

— Васенька, сколько вам лет?— прервала меня Елена Михайловна.

— Через два дня исполнится двадцать!

— А мне скоро будет тридцать.

— Какое это имеет значение? Да потом у летчиков год пребывания на фронте считается за три. Так что к концу войны я вам в отцы буду годиться.

— И тем не менее выкиньте эти глупости из головы. Скажите лучше, долго вы пробудете в тылу?

— Вероятно, нет. На днях должно прибыть пополнение, потом поедем получать новые самолеты, облетаем их и... снова на войну.

— Вася, а девушки у вас были?

— В девятом классе ухаживал за Клавой Титовой. В десятом влюбился в Тамару Лапину. После выпускного вечера мы даже целовались в подъезде. А больше серьезных увлечений не было. Уехал в училище, потом война...

— Ну, крылатый донжуан,— засмеялась она,— пора спать. В лампе уже и керосин кончается.

Постель мне была постлана на печке, а ниже, на широкой лежанке, Елене Михайловне. Когда она вышла, я быстро разделся и лег. Возвратившись, Елена Михайловна погасила лампу. В полутьме я видел, как она не торопясь раздевалась. Хотел отвернуться и не мог. Наконец усилием воли закрыл глаза и... мгновенно уснул как убитый.

Проснулся оттого, что мучительно хотелось пить. Стояла глухая ночь. Глядевший в окно месяц серебристым пятном лежал на полу. За перегородкой громко храпел шофер, сладко посапывала хозяйка. Под печкой трещал сверчок. Стал соображать, как бы слезть так, чтобы не разбудить Елену Михайловну. Она лежала на спине и, видимо, крепко спала.

Рассчитывая каждое движение, я спустился к ней на лежанку, а потом, напрягая мышцы, осторожно сошел на пол. Под ногами громко скрипнула половица. Звякнув о ведро ковшом, напился и полез обратно. Поднявшись на лежанку, невольно задержался. Нет, Елена Михайловна не спала. Она лежала все так же на спине и смотрела на меня. Ее широко открытые глаза притягивали к себе, словно черные омуты. Во рту у меня пересохло, кровь застучала в висках. Я осторожно взял ее обнаженную, лежащую поверх одеяла руку, и она руки не отняла...

...Я проснулся, когда наступил скупой зимний рассвет. На столе уже кипел самовар, Леля, как я называл ее теперь, расставляла тарелки. Незаметно, из-под ресниц, любовался ее небольшой, по-девичьи стройной и гибкой фигуркой, легкими уверенными движениями и чувствовал себя бесконечно счастливым. Исчезло, будто растаяло, безмерное нервное напряжение минувших дней.

Когда встал, подошел к Леле, поцеловал ее и сказал, что теперь мы муж и жена.

— Боже мой!— удивленно вздохнула она, а потом подтвердила:— Ну, конечно, милый,— и не то грустно, не то лукаво улыбнулась.

— Нам надо как можно скорей расписаться.

— Ну, конечно, милый.— И опять так же улыбнулась.

Мне все время хотелось на нее смотреть, коснуться руки, платья. От мысли, что она моя жена, я был счастлив и хотел, чтобы все знали об этом. С улицы вошел шофер. Поднеся руку к ушанке, доложил:

— Товарищ младший лейтенант, машина готова, можно ехать.— И потом уже неофициально добавил:— Ноне на дворе наоборот, совсем тепло.

Я тут же объявил ему и хозяйке о своем счастье, о том, что мы теперь с Еленой Михайловной муж и жена. Хозяйка от удивления чуть не выронила тарелку, потом сказала:

— Благослови вас бог,— и перекрестила.

Шофер же только крякнул и философски заметил, что во время войны всякое бывает.

Позавтракав, мы отправились дальше. Хозяйка бросила нам в кузов охапку сена, и мы ехали с Лелей, укрывшись ватными чехлами, пахнущими бензином и авиационным маслом. Крепко обняв ее, мечтал, как после войны мы заживем у нас в Ленинграде. Мама будет очень рада, что у сына такая красивая, такая хорошая жена. Будет нянчить внучат. В ответ Леля смеялась и повторяла свое: «Ну, конечно, милый».

Скоро послышалась отдаленная стрельба зениток и тяжелые разрывы авиабомб: немецкая авиация старалась разрушить мост через Волгу, наверное, бомбили и станцию. При подъезде к ней нас остановил патруль. Шофер предъявил документы, сказал, что в кузове младший лейтенант с женой. Мне это было приятно слышать.

На вопрос шофера один солдат ответил, что немец со вчерашнего дня станцию не трогает и все бросает бомбы на мост.

Подъехав к станции, мы с Лелей вышли на платформу. На путях стоял воинский эшелон с прицепленным паровозом, который тяжело отдувался белым паром. У рослого усатого сержанта с красной повязкой на рукаве Леля спросила, где помещается военный комендант.

— В конце перрона, налево, идемте провожу,— ответил он.

— Давай сначала пойдем в загс и распишемся,— придержал я Лелю за локоть.

— Но, ведь если серьезно, то ты обо мне ничего не знаешь.

— Это неважно, я тебя люблю!

— Нет, очень важно! — И пошла вслед за сержантом.

В жарко натопленном помещении коменданта было накурено, кисло пахло влажными портянками. Несмотря на полдень, под потолком горела электрическая лампочка. Немолодой капитан с болезненным, желтым лицом, зябко поежившись, прочитал Лелино предписание.

— Вам повезло,— сказал он,— эшелон под парами, и можете сразу следовать к месту назначения.— Потом посмотрел на меня и спросил, что нужно летчику. Я ответил, что выполняю служебное задание и провожаю жену. Капитан удивленно поднял брови, потребовал документы. Я предъявил.

— Авиаремонтные мастерские недалеко от вокзала, а на проводы жены,— он сделал ударение на этом слове,— времени вам в обрез.— И скомандовал сержанту: — Петров, проводи военврача и посади в пассажирский вагон, отправление через пять минут.

По обледенелым ступенькам мы быстро спустились на железнодорожные пути и поспешили к эшелону. Он состоял из товарных вагонов с солдатами и одного пассажирского. На нескольких платформах стояли прикрытые брезентом орудия, а с двух настороженно смотрели в небо счетверенные зенитные пулеметы. Возле них дежурили готовые к бою расчеты.

На подножке пассажирского вагона стояла пожилая проводница, повязанная крест-накрест старым пуховым платком, с флажком в руке. Сержант передал ей приказание военного коменданта.

— Девушка, садитесь,— пригласила проводница.— Сейчас поедем.

— Моя полевая почта 12561, запиши! — в отчаянье крикнул я Леле.

— Так запомню,— ответила она и крепко поцеловала в губы.— Да хранит тебя судьба, милый мальчик, прощай!— И вскочила на подножку.

Паровоз свистнул, вагоны задергались, лязгая буферами, и состав тронулся. Леля помахала мне рукой, еще раз крикнула: «Прощай!..»

Мирон ПЕТРОВСКИЙ

Этот снимок сделан известным мастером Я. В. Штернбергом через два дня после Великой Октябрьской социалистической революции — 27 ноября 1917 г. Красногвардейцы проверяют документы у входа в Смольный.

страницы минувшего

ЗАПЕЧАТЛЕ

●

Подумать только: проживи Пушкин еще два года — и мы могли бы иметь его фотографический портрет!

Россия была одной из немногих стран, где сразу же заинтересовались искусством светописи — уже через три месяца после регистрации изобретения Дагера петербургские ученые, опираясь на опубликованные описания технической новинки, получили свои первые фотоотпечатки. А через год в Петербурге. на Никольской улице было открыто первое в России «дагеротипное предприятие».

Технический гений словно бы осуществил фаустовскую мечту — остановить мгновение, и сколько же мгновений — и прекрасных и ужасных — запечатлела для нас с тех пор фотография! В исторический опыт человечества вместе со словесными и вещественными свидетельствами о прошлом теперь властно вошло изображение — безоговорочно подлинное, неоспоримо документальное, а порой настолько волнующее и красивое, что его иначе как художественным и не назовешь. Возможность легко и быстро получать достоверные изображения лиц и событий стала значительнейшим, хотя и не всегда осознанным явлением нашей культуры.

Фотография стала историческим документом, который незаместим никакими описаниями, незаменим ничем. Сохранить эти документы, передать их людям будущего — нашим потомкам — дело огромной культурной важности.

В одном из переулков, спрятавшихся за спиной Казанского собора, в здании, напоминающем своим архитектурным обликом маленькую фабрику или депо прошлого века, разместился Ленинградский государственный архив кинофонофотодокументов. Здесь хранится запечатленное прошлое. Строгие, но доброжелательные сотрудницы архива проводят в зал, который как-то неловко назвать «читальным», ибо в нем не столько читают, сколько смотрят, вглядываются, рассматривают.

— Велики ли фонды архива?

— Более полумиллиона единиц хранения, и число это непрерывно возрастает.

— И все полмиллиона — оригинальные снимки?

— Архив называет оригиналом негатив на стекле или на пленке. Позитивный отпечаток считается оригиналом только в том случае, если негатив неизвестен или безвозвратно утрачен.

— А какой период охватывают собрания архива?

— Есть единичные экземпляры чуть ли не с начала «фотографической эры». Но это — ласточки, не делающие весны. Можно считать, что в архиве плотно представлен период с последней четверти прошлого века: негативы — с девяностых годов, альбомы — примерно с шестидесятых.

Хранилище исторических документов, архив и сам по себе — порождение исторических обстоятельств. Обстоятельства сложились так, что в архиве осели документы, касающиеся главным образом истории Петербурга — Петрограда — Ленинграда (и Ленинградской области). Это, конечно, не единственная тема, но несомненный географический стержень фотодокументов архива. Государственная власть, сосредоточенная в дореволюционную пору в «северной столице», международные отношения, вооруженные силы и войны, народное хозяйство, культура и религия — каждая из этих рубрик представлена в архиве обширными коллекциями. И, разумеется, ценнейшее из ценного — все, что связано с Великой Октябрьской социалистической революцией: документальные изображения ее участников и вождей, снимки, фиксирующие подготовку революции и ее ход. Этой рубрике в архиве присвоен первый номер.

— Вы знаете, что в первые послереволюционные годы годовщины Октября отмечались массовыми инсценировками революционных событий. Долгое время многие исследователи считали, что одну из таких инсценировок запечатлел снимок, изображающий красногвардейский патруль у Смольного. Но когда снимок был опубликован в «Ленинградской правде», в архив прибыло письмо из Петровска — небольшого городка Саратовской области. Старый большевик, персональный пенсионер И. У. Грибовский писал нам, что в молодом рабочем, греющем руки у костра, он узнал себя. Узнал Грибовский и своих товарищей-красногвардейцев — Яроша и Иванова. Одновременно поступили и другие сведения, подтверждающие подлинность снимка. Значит, не годовщина революции, а сам Октябрь предстает нам на этом снимке. Это сильно повысило историческую ценность фотографии...

Просматривая картотеку архива, с уважением притрагиваясь к уникальным фотодокументам, как будто совершаешь путешествие сквозь время. Любая ленинградская площадь, мост, дворец, улица представлены в снимках на протяжении десятилетий с разных точек обзора, в разное время дня. Вот торцовая мостовая сменилась брусчаткой, вот побежала по рельсам конка, вот ее сменили маленькие смешные трамвайчики, вот уже трамваи сметены вышедшими на демонстрацию революционными массами, а вот уже и современный транспорт движется по асфальту социалистического города.

Хотите узнать, как выглядели городские дворники, извозчики, почтальоны, разносчики, как жила городская беднота, как трудились тогдашние рабочие и ремесленники, как работали редакции газет и типографии? Увидеть сцены из спектаклей, шедших на петербургских сценах на рубеже веков? Вглядеться в лица знаменитых художников, музыкантов и писателей, живших в великом городе? Любая из этих тем представлена в собрании архива многими прекрасными снимками. Не сходя с места, можно посетить любой из окружающих Ленинград городов-дворцов, проследить их развитие, увидеть, что сделали с ними фашистские варвары и как заботами и трудом советских людей они возвращаются к своему историческому облику.

— Фотодокументов о Великой Отечественной войне в нашем архиве около 13 тысяч. Наши сотрудники недавно выяснили, что почти каждому дню войны посвящен по крайней мере один снимок. Другими словами, собрана своеобразная фотолетопись войны, отражающая трагедию города и мужество его защитников...

Со словом «архив» нередко связывается представление о чем-то старом, дряхлом, вет-

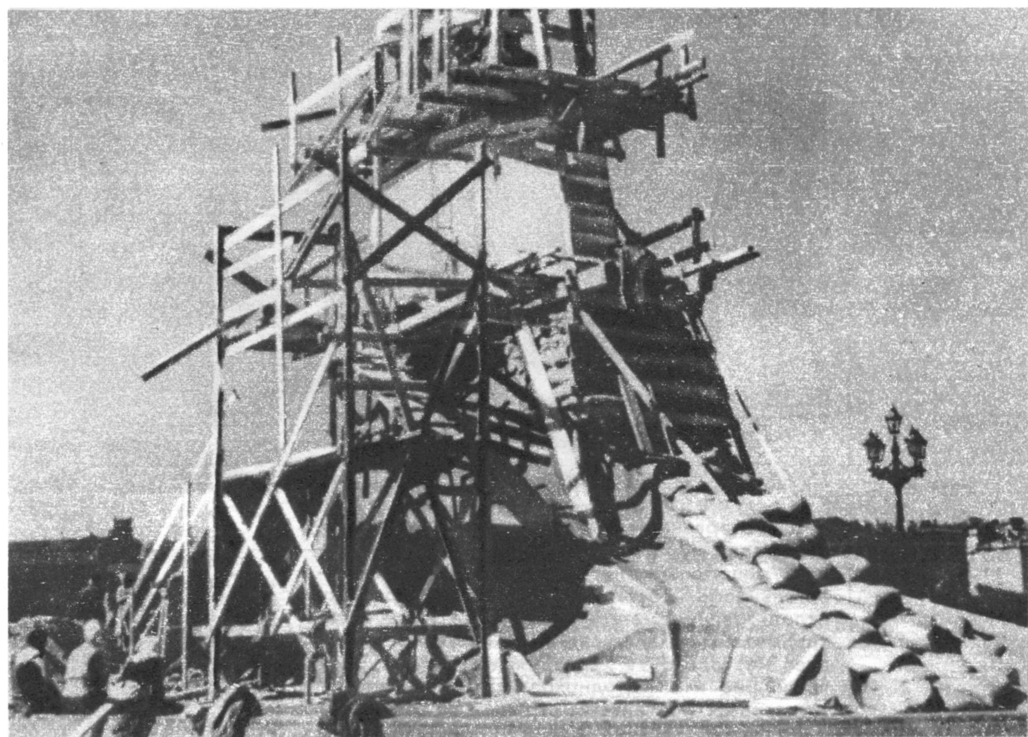
Антивоенная демонстрация на Невском проспекте в апреле 1917 года.

А. М. Горький с художником Б. Григорьевым у своего портрета работы Б. Григорьева. Капри, 1926 год.

Ленинградцы укрывают Медного всадника от фашистских бомб и снарядов. 8 июля 1941 года.

ННОЕ ВРЕМЯ

Замечательный образ одиночества художника, отторгнутого буржуазным обществом, создал неизвестный фотограф. Русский драматург А. В. Сухово-Кобылин на репетиции своей пьесы «Расплюевские веселые дни» («Смерть Тарелкина»). Петербург, 1899 (!).

Музыкальный вечер у В. В. Стасова. Среди гостей — Ф. Шаляпин, Ц. Кюи, А. Глазунов, Н. Римский-Корсаков. Петербург, конец 1890-х годов.

К десятилетию Октября Ленинградский академический театр драмы поставил спектакль по поэме В. В. Маяковского «Хорошо!». На снимке: поэт и постановочная группа. Ленинград, 1927 год.

Все снимки — из фондов Ленинградского государственного архива кинофонофотодокументов.

хом и оторванном от живой жизни, от насущных задач и забот. Это мнение — предрассудок, решительно не соответствующий действительности. Достаточно полистать картотеку использования материалов архива (есть и такая), чтобы убедиться: архив активно участвует не только в сегодняшней культурной жизни, но и в народнохозяйственном, экономическом строительстве страны.

Документы архива помогли реставраторам Екатерининского и Большого Петергофского дворцов, Эрмитажа, Обуховской больницы, готической капеллы Петродворца. По материалам архива работали реставраторы фасада Высшего художественно-промышленного училища имени В. И. Мухиной и интерьеров Академии художеств, храма Воскресения (Спаса-на-крови), Зимнего дворца и Смольного.

Старые фотографии служат людям. Служат будущему.

Николай Константинович Рерих.

ПРАВИЛА ХОРОШЕГО ТОНА

Александр АЛЕКСЕЙЧИК

Мне кажется, последнее время люди значительно культурнее стали. И не последнюю роль здесь играют всевозможные правила хорошего тона. Вы их знаете, конечно.

Если в гостях вам показалась какая-то закуска недоброкачественной, вы уже не будете кричать об этом на весь дом, а шепотом попросите хозяйку первой попробовать подозрительное блюдо.

Если на улице лежит мужчина и поет старинные романсы, то всем известно, что поднимать его не должна ни жена, ни тем более другая какая-нибудь женщина. Дело это сугубо мужское. Поднимать его должны друзья или товарищи по работе. Если, конечно, они не лежат рядом.

А когда хозяин после полуночи пытается проводить вас домой, считается неприличным цепляться за стол и кричать: «Еще не поздно!»

Недавно я сам видел, как двое мужчин в трамвае в соответствии с правилами хорошего тона предлагали место женщине, еще не очень старой. А она ни в какую. Наверное, потому, что они были выпивши. А может, потому, что место, которое они предлагали, уже было занято каким-то хилым гражданином.

Словом, женщина отказалась садиться. Тогда эти двое сказали ей что-то нехорошее на весь трамвай. И никто не заступился за женщину, никто не одернул хулиганов. Возможно, все подумали, что это ее ближайшие родственники. Муж с братом или свекор с деверем. Потому никто и не вмешивался в семейные дела по правилам хорошего тона.

Но когда эти двое, не очень трезвых, сказали еще что-то, за женщину вступился ее муж. До этого он тихонько стоял сзади.

И его позицию можно понять. Как воспитанный человек он не вмешивался в посторонний разговор, тем более что его и не спрашивали. Но когда он увидел, что разговор выходит за рамки светской беседы, он попросил говорить хотя бы потише. На что эти двое выпивших в резкой форме предложили ему заткнуться, а то они дадут ему по очкам. И тут же исполнили свое обещание, несмотря на то, что муж заткнулся.

Вся общественность в трамвае возмутилась, но больше всех его жена. Со словами: «Ах вы, негодяи!» — она отхлестала хулиганов по физиономиям и даже сумела вытолкать их из трамвая.

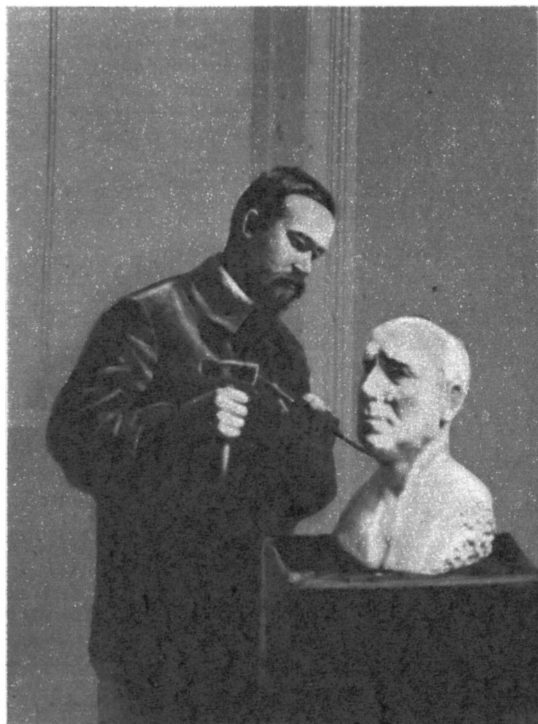
Мне кажется, тут она проявила себя не с лучшей стороны. В полемике вместо убедительных доводов применять грубую силу просто недопустимо. Даже если ты физически и превосходишь оппонентов.

А эти двое, которые вылетели из трамвая и упали на голую землю, что они подумают о ней и вообще обо всех женщинах?

Удивительно, что женщины часто оказываются гораздо менее подготовленными в вопросах этики. Если даже и знают теорию, совсем не умеют на практике применять свои знания. Хорошо, что мы, мужчины, всегда оказываемся рядом и можем показать пример строгого соблюдения правил хорошего тона.

Минск.

Б. М. Кустодиев за работой над бюстом писателя Ф. Сологуба. Петербург, 1914 год.

Писатель Александр Иванович Куприн. Гатчина, 1910 год.

Д. Д. Шостакович на репетиции своей Седьмой симфонии («Ленинградской»), 1942 год.

ЧУВСТВО ПРОСТОРА

СТИХИ МОЛОДЫХ

Анатолий КУЗЬМИЧЕВСКИЙ

●

Кажется, все в этом мире
знакомо,
Но вечерами отвлекшись от дел,
Вижу окошки соседнего дома —
Так Циолковский на звезды
смотрел.
Вот они в небо восходят отвесно,
Жизни и судьбы за каждым
из них.
...Больше о Марсе с Венерой
известно
Мне,
чем о ближних соседях моих.

ОСКОЛОК

Как уголек,
Держу в руке осколок,
Что обнаружил врач
В груди отца.
Хотя ладонь не жжет,
Но очень колок —
С какого ни возьми его конца.
В живом тепле
И день и ночь толкаясь,
Блуждал он в теле
Тридцать с лишним лет.
До сердца не дошел
Одну лишь малость,
И вот сегодня
Извлечен на свет.
А за окном
Клюют сугроб капели.
Как аист,
Солнце село на сосну.
И вздрогнул я:
Дойди металл до цели —
Мне б не встречать
Тридцатую весну...

●

Всю ночь шумела непогода,
На тонких проводах гудя.
И молча сонная природа
Внимала голосу дождя.
А утром разбежались тучи
И обозначили восход.
И я увидел с голой кручи,
Как тронулся неспешно лед.
В воде жила такая сила,
Что лед крошила на куски,
Моим глазам она открыла
Синь беспокойную реки.
И я смотрел, ошеломленный,
Как цепью, словно на врага,
Навстречу, в рост вставали волны
И раздвигали берега...

Калуга.

Талех БАБАЕВ

ОСЕННЯЯ ДОРОГА

Листву в ручей сбивая на лету,
Спешит сентябрь в садах плоды
потрогать.
В осеннем ярком, огненном цвету
Задумчивою кажется дорога.
С весной и песни вешние придут,
С зимой закружит вьюга у порога.
Но желтизной лишь листья
зацветут,
Задумчивою кажется дорога.
Невеста снимет девичью фату,
Жизнь испытать ее захочет
строго.
Когда по тропам памяти идут,
Задумчивою кажется дорога.

К ГОРАМ ДЕРЖИ СВОЙ ПУТЬ

В лугах зажглись нарциссы
и тюльпаны.
И по снегам, сквозь вешние
туманы,
Спешат к воде усталые джейраны,
Чтоб на себя, как в зеркало,
взглянуть.
Мой друг, к горам держи теперь
свой путь.
Открылась даль в сиянии восхода,
Очнулась после зимних снов
природа.
И солнце
Мир покрыло позолотой
И облака спешит с вершин
смахнуть.
Мой друг, к горам держи теперь
свой путь.
Оставь, охотник, грозное ружье,
Мир славит пробуждение свое.
Цветок на камне,
А глядишь — поэт.
Не медли руки к солнцу
протянуть.
Мой друг, к горам держи теперь
свой путь.
Ты слышишь,
Ручеек звенит, как льдинка.
К нему всегда ведет своя
тропинка.
Он радостью твою наполнит
грудь,
Спеши скорее на него взглянуть.
Мой друг, к горам держи, держи
свой путь.

Я ЖДУ ПИСЬМА

Жду письма.
В ожиданье весь.
Может, вспомнила ты обо мне?
Я должен получить весть,—
В какой ты сейчас стороне.
Виновниками потерь
Своих
Бываем порой...
Вот, кажется, постучишь в дверь.
И скажешь:
— Открой!
Жизнь без друзей пуста.
А ты справедлив ли был?
Неужто нас суета
Лишает порою крыл?
Любимая, напиши!
А я напишу в ответ.
Пусть снова письмо спешит
В тот день,
Где нас больше нет.

Перевел с азербайджанского Евгений Антошкин.

Виктор РУДЕНКО

ЗАБОИ

Забой есть шахтный, есть морской.
Тот, под землею, тверд и черен.
И всемогущи здесь шахтеры,
Опять пришедшие в забой.
Пред мыслью дерзкой, что вольна
Брать даже под землей вершины,
И перед мудростью машины
Отступит черная стена.
Неукротимою рекой
Польется камень светосильный.
...Забой есть шахтный, есть
морской:
Стена сетей под зыбью синей.
Вода застынет, как слюда.
Но ветер вздыбится — и к ночи
В сетях на полосе рабочей
Заплещет вспененно вода.
Полны улова ячеи —
И вот лещи стучат по днищу,
И куртки в блестках чешуи,
Как латы витязей давнишних.
И ночь — как пласт, как шахтный
пласт,
И надо прирасти к забою:
Азовье людям не отдаст
Так просто «серебро живое».
Слепящею глаза водой
И ветром опьянит, как брагой.
...Забой есть шахтный, есть
морской,
Их исстари
Роднит отвага.

СИЛЬНАЯ ВОДА

На берегу иссохнут весла
И поржавеют якоря.
Но существуют, брат, моря,
Но будоражат душу весны.
И ветер этот, что примчал,
Как вестовой, из дали хмурой,
Людей, взошедших на причал,
Водой окатывает бурой.
Я с ними к берегу пришел
В таких же сапогах-ботфортах,
С такой же взвихренной душой,
Безмерно жаждущей полета.
У мола, нет, не усидеть,
Когда волна седобородa.
Рыбак с богатой рыбой сеть
Подспудно чует в непогоду.
А значит, кверху якоря!
От страха не сутуля плечи,
Живая молодость моя
Опять летит ветрам навстречу.
Скрипит уключина в гнезде,
Волна напористей и выше.
На сильной и большой воде
В себе я человека слышу.

Донецк.

Валерий ФОКИН

РЕКА ВЕЛИКАЯ

Сколько рек действительно
великих
По великой Родине течет!
А на этой солнечные блики
Даже в ясный день наперечет.
А у этой скромная повадка.
Но, сверкнув навстречу сквозь
хвою,
Благодарно принимает Вятка
Родниковой свежести струю.
Благодать.
Но от дурного сглаза
Береги бесценный этот дар,
Потому что все же с сердцем
связан
Даже самый мелкий капилляр.
На лесных полянах за Великой
Под ноги внимательно смотри —
Ягода живая — земляника
Светится как будто изнутри...
Я хочу, чтоб за чертой предела,
Жизнь мою прошедшую тая,
Спелой земляничиной алела
Малая кровиночка моя.

ИСТОБЕНСКИЙ ПЛЕС

Плавными кольцами легкая лёса
Словно замрет над речной
глубиной.
Снова сентябрь шелестит
по откосам,
Плесы морщиня рябою волной.
Утро не утро, но вечер нескоро.
Дивные дали. Бездонная высь.
Родины чувство и чувство
простора
С детства в одно неразрывно
слились.
Солнце вполнеба и ветер
с востока.
Бабьего лета знобящий пожар.
Как я порой ошибался жестоко,
Но отдышаться сюда приезжал.
Склоны, слепящие красною
глиной.
Старая церковь родного села.
Жизнь моя, может быть, будет
недлинной,
Лишь бы разлука недолгой была...

Киров.

Леонид ПАНИН

●

Нет билетов. А я продрог...
И не будет,— так и сказали.
Только случай тогда помог
Очутиться мне в кинозале.
На экране моя судьба...
У меня было точно так же.
Долго пот вытирал со лба,
Словно жизнь переживший
дважды.
Сквозь весенние лужи вброд,
Горячо обсуждая картину,
Расходился домой народ.
А когда же я зал покину?
Может, лучше остаться здесь,
Вдруг покажут, что дальше будет!
Вновь экран засветился весь,
И на нем появились люди.
Как поверивший чудесам,
Я смотрел на себя в угаре.
И казалось, играю сам
Не написанный мной сценарий.

ДИАЛОГ

Ты ни о чем меня не спрашивай.
Вглядись в огней горящий ряд:
Ведь там, где спят, они погашены.
А эти все еще горят.
Должно быть, там читают, учатся,
Не замечая поздний час.
Пускай не все у нас получится,
Но люди думают о нас.
И мы с тобой в ответ обязаны
Продолжить с ними диалог.
Еще не всем спасибо сказано,
Кто нам хоть чем-нибудь помог.

Москва.

Сабит МАДАЛИЕВ

●

Звонко бубен рокочет,
в ритме диком рука —
и, ликуя, клокочет
водопадом река.
Бьются тонкие пальцы.
Под волшебной рукой,
в феерическом танце
льется дождик слепой.
Вскинул над головою
снова руку бубнист —
шепот хлынул волною,
плавно падает лист.
Улыбаются губы,
чуть волненьем дыша.
Бьются пальцы о бубен,
бьется в бубен душа.

В. Боровиковский. АЛЛЕГОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЗИМЫ В ВИДЕ СТАРИКА, ГРЕЮЩЕГО РУКИ У ОГНЯ. Около 1806.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Боровиковский. ПОРТРЕТ ТОРЖКОВСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ ХРИСТИНЬИ. Около 1795.

Государственная Третьяковская галерея.

ЧУВСТВО ПРОСТОРА

●

Зеленый чай заварим крепкий,
откинем тюбетейки, кепки
и, пригласив гостей к столу,
по кругу пустим пиалу.
Пускай невежа паникует,
чужим обычаям не рад,—
глотками мелкими смакуем
светло-зеленый аромат.
И ты как хочешь нас суди,
читатель,
иль воздай хвалу,—
я, руку приложив к груди,
несу по кругу пиалу.

Ташкент.

Абдула СУЛЕЙМАНОВ

МОЯ МЕЧТА

О, как вберешь ты, узкая строка,
Вершины, что глядят за облака,
Кавказа седовласого века
И чистоту родного языка?
Мечтаю я слова найти в мой сказ,
Чтоб был он многолик,
как мой Кавказ,
Как передать тебе, моя строка,
Красу и запах горного цветка,
Мелодии народа моего,
Отвагу, мудрость, выдержку его?
Как прикоснуться к белым тем
листам,
Чтоб ожил в песне край мой —
Дагестан?

●

Людское равнодушье,
ты — гора,
Где дерево мертво без топора,
Где птицы не поют и гнезд
не вьют,
Где даже зверю не найти приют,
Где боль чужая — радость,
а не боль...
. . . .
Взорвать бы эту гору нам с тобой!

●

А годы летят все скорее, скорее,
Мой край молодеет,
а я-то старею...
Вот детство умчалось,
Вот — юность была...
Моргнуть не успел,
вдруг куда-то ушла.
Я знаю, и молодость тоже уйдет,
Когда помоложе кого-то найдет.
Ах, сколько в ущелья сбежало
воды,
Но есть утешение — жизни следы:
Любимое дело, семейный очаг,
Подруга горянка с любовью
в очах.
И если кому-то полезен мой труд,
Не зря мои быстрые годы идут.
И если спасибо мне жизнь
говорит,
Не зря мое сердце в работе
горит.

**Перевела с аварского
Алла Строило.**

Владимир ДИВАКОВ

КИЛЕН-БАЛКА

Забыть все, что видел, не жалко,
Когда над Тавридой жара,
Когда подо мной Килен-балка,
А выше — Казачья гора,
И солнце горячие краски
Бросает, не ведая мер,
И оживают, как в сказке,
Обрывов скалистые маски
С глазницами древних пещер!
Я хмель в ощущениях странных
Ищу, как азартный игрок,
Смотрю на обрывы и камни —
Следы погребенных дорог.
Здесь держит колючая чаща
Историю в цепких руках,
И чувства мои в настоящем,
А мысли в далеких веках.
Здесь нынешний день
и вчерашний
Смешали приметы времен,
А мне и легко и нестрашно,
Наследнику сильных племен,
Привычные нормы нарушить,
Прах древних эпох оживить,
И вечность ожившую слушать,
И сопричастным к ней быть...

ВОЛГОГРАДСКАЯ ВЕСНА

Какая странная весна.
Еще апрель. Я в Волгограде.
Светает. Ночь сижу без сна.
Цветут колючки на ограде.
На абрикосах ни листочка,
Сухие ветки в молоке,—
Глазурь сплошная из цветочков
На каждом сереньком сучке!
У празднично одетых кленов
В зеленой роскоши ветвей
Упрек ветвям непробужденным
Пирамидальных тополей.
Я цветом этим заворожен,
Апрельским хмелем опьянен,
Вокруг и весел и тревожен
Весенних звуков перезвон.

Москва.

Владимир САПРОНОВ

БРОШЕННАЯ

В скверике районного роддома,
Никуда как будто не спеша,
Ты сидишь, как юная мадонна,
Прижимая к сердцу малыша.
«Так и есть,— сказал иль вслух
подумал
Древний дед с обветренным
лицом,—
Муж-то был у ней, да ветер
сдунул:
Бросил, стало быть, одну
с мальцом.
Да оно, по нынешней поре-то,
Чай, не грех и даже
не грешок...»
И замолк, как будто ждал ответа.
Только что же я ответить мог?
Что с годами жизнь сурово
спросит
С каждого, кто от нее лишь брал?
«Нет,— сказал я,— он ее
не бросил,
Он ее, как совесть, потерял».

●

Чтобы вырастить сад,
Мало жизни порой;
Да и нужно, заметь,
Ум и душу иметь.
А чтоб вырубить сад,
Хватит силы одной:
Знай ломай да круши
Без ума,
Без души.

Тула.

КИНО

О ЛЮДЯХ И С ЛЮДЬМИ

Выступает Лидия Смирнова.
Фото В. Мишина

Вот уже 15 лет проходят встречи зрителей с программой «Поет товарищ кино» — это стало традицией. В юбилейном году состоялась встреча с новой программой, посвященной 60-летию образования СССР.

Заслуженный артист РСФСР Ю. Левицкий показал на сцене центрального концертного зала «Россия» программу серьезную и интересную одновременно, где отразились и достижения многонационального киноискусства и сама история его, да, собственно, и история страны, запечатленная искусством кино... Мозаика экрана показала молодость республик, где рядом с подлинными, живыми героями в кадрах живут герои художественных фильмов, выразившие типические черты характера советских людей, образ их жизни. Кадры кино вплотную связаны с популярными, тоже пришедшими с киноэкрана песнями. В зале — и со сцены и на экране — звучит прекрасная музыка С. Прокофьева, Д. Шостаковича, И. Дунаевского, А. Пахмутовой, Я. Френкеля, Р. Паулса... А на сцену выходят любимые актеры кино — Н. Мордюкова, Н. Крючков, Л. Смирнова, В. Этуш, Н. Рыбников, А. Ларионова, З. Гердт.

«Три танкиста, три веселых друга»,— поет на экране молодой Крючков... Картина о танкистах давно стала достоянием истории — трогательная, чуть наивная. Но зал глубоко захвачен искренностью и простотой повествования и, конечно, талантом актера. Годы не властны над ним, над его искусством артиста, над его характером, все таким же молодым, жизнелюбивым, задорным.

Кино принадлежит у нас народу. Но зритель не всегда успевает, не всегда может посмотреть иные хорошие картины. Поэтому не случайно появляются перед нами многие удачно выбранные кадры. Вот героини фильма «А зори здесь тихие...», посвященного судьбе девушек-солдат. Многие в зале, не стесняясь, утирают слезы — не только те, кто пережил войну. Нет человека, кого не тронул бы образ девушки в солдатской пилотке.

Киноискусство показывает резкие порою контрасты дня минувшего и дня нынешнего. Героиня Натальи Аринбасаровой из фильма «Первый учитель» воскрешает драматичную судьбу девушки — сперва подневольной рабыни, а потом получившей свободу, обретшей новую жизнь... И как продолжение старого фильма появляется на сцене хореографическая новелла «Быть женщиной».

Много тепла и задушевности всегда у героинь Нонны Мордюковой. Сама эта актриса — любимица зрителей. И как же ей рад, как тепло приветствует ее зал!

Программа «Поет товарищ кино», созданная Ю. Левицким, насыщенна и разнообразна, интересно выстроена. Но это отнюдь не развлекательное шоу. Это глубоко осмысленное музыкальное театрализованное кинопредставление. Оно показывало советским людям их самих, а потом уже и себя — свои творческие кинովозможности, свою киноисторию...

А. ЗВЯГИНА

НЕ ПОМОГЛО

Сергей СОЛОДОВНИКОВ

Двадцать седьмого декабря директор фабрики созвал экстренное совещание.

— Ситуация критическая,— без обиняков начал он.— Год кончается, а план горит. И что обидно — не дотягиваем каких-нибудь два-три процента. А без плана, сами знаете...

Все знали. Посыпались предложения:

— Объявить аврал?.. Скорректировать план в министерстве?.. «Округлить» показатели?..

Директор устало мотал головой, отвергая одну идею за другой:

— Слишком поздно... Уже два раза корректировали... Чревато...

Наконец подал голос старший экономист, слывший на предприятии большим эрудитом и специалистом по разгадыванию кроссвордов.

— Я недавно прочел,— сказал он,— что венерианский год чуть ли не вдвое короче земного, а марсианский, наоборот,— длиннее. Все дело в длине орбиты. Вот если бы удалось как-нибудь столкнуть нашу планету на чуть более удаленную от Солнца орбиту, то год на Земле автоматически удлинился бы. А там, глядишь, и план успели бы выполнить...

Все молчали, пораженные простотой предложенного решения.

— Столкнуть? — задумчиво произнес директор и нажал кнопку селектора.— Вызовите ко мне Сидорова.

Сидоров был на фабрике «толкачом», хотя числился работником планового отдела. Самые ответственные задания по спасению нередко горящих планов директор поручал именно ему, обладавшему бесценным даром пробивать, протаскивать, проталкивать...

Сидоров выслушал задание директора, что-то прикинул в уме и, сказав, что ничего не обещает, но попробует, ушел оформлять командировку...

Тридцать пятого декабря директор снова созвал экстренное совещание.

— Ситуация критическая,— без обиняков начал он...

В конце совещания директор вызвал к себе Сидорова.

ГЕРОИ КРЕПОСТИ ШКИФ

Саади аль-Малех (родился в 1951 году) — иракский писатель, журналист и переводчик (с курдского и русского языков), ассириец по национальности, пишущий на арабском языке.
Автор двух сборников рассказов («Тени настоящие и фальшивые», 1971 г., Багдад; «Чужой у себя на родине», 1973 г., Багдад). Его рассказы и переводы печатались во многих арабских и советских газетах и журналах.
Саади аль-Малех в настоящее время является студентом 5-го курса Литературного института имени А. М. Горького.
Летом 1982 года находился на стажировке в одном из журналов в Бейруте, где и застали его военные действия.
В период израильской военной агрессии в Ливане Саади аль-Малехом были написаны «Бейрутский дневник», готовящийся к печати в журнале «Иностранная литература», и предлагаемая читателю документальная повесть.

САДИ АЛЬ-МАЛЕХ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Всем защитникам крепости Шкиф, погибшим и живым.

I

Когда сидишь за столом, разговоры принимают приятный оборот. Они принимают различные аспекты, и в памяти раскрываются запертые двери, особенно если разговариваешь со старыми знакомыми. Такие двери открылись в моей памяти в тот вечер в доме одного из моих друзей в Москве. Я был приглашен туда вместе с другими арабскими и советскими гостями. Разговор главным образом шел о Бейруте, о «нашей последней звезде и палатке», как его называет Махмуд Дервиш, о героизме защитников Бейрута, преступлениях сионистов, о войне в целом. Я был там во время израильской агрессии, и мне в основном задавали вопросы. Когда я стал рассказывать о героизме палестинских и ливанских защитников крепости Шкиф, подвиги которых кровью записаны на каждой пяди стен этой крепости, сидевшая напротив меня молодая советская арабистка спросила меня на правильном арабском языке с легким акцентом:

— А вы знаете, что один из этих героев находится на излечении в московской больнице?

Я сразу же ответил тоном уверенного в себе человека:

— Его зовут Низар, не правда ли?

Девушка помолчала немного, потом сказала:

— Нет, мне кажется, его зовут Мерван. Мерван Абу Саир.

— Вы уверены в том, что он сражался в Шкифе?

— Абсолютно. Он сам мне рассказывал.

— Сколько ему лет?

— Двадцать два года.

— Хорошо. Могу ли я получить его адрес?

Она вынула из сумочки записную книжку и открыла ее на странице, исписанной номерами телефонов и адресами.

— Пожалуйста. Вот адрес больницы, здесь внизу.

Примерно через час после этого, уже в позднее время тем же вечером, я был в больнице. Конечно, я приехал, когда прием посетителей давно закончился. Двери были закрыты, и никого не пускали. Я и так и сяк пытался убедить вахтера, но тщетно. Однако потом через оконное стекло палаты, в которой лежал Мерван, я сумел договориться с одним больным о том, чтобы он позвал Мервана. Подошел смуглый молодой человек, несколько полный, но не толстый, среднего роста, мускулистый; над верхней губой пробивались маленькие усики. Мы начали объясняться жестами через стекло, но не понимали друг друга. Мерван был очень удивлен. Кем бы мог быть этот незнакомец, пришедший к нему в столь поздний час? Что ему нужно?

Ничего не поняв, Мерван отошел. Я тоже не понял ни слова из того, что он говорил, но продолжал ждать. Вскоре Мерван появился снова в сопровождении работника больницы, которого он по всей видимости убедил в необходимости разрешить мне войти хотя бы на пять минут. Мы познакомились и обнялись так, словно знали друг друга долгие годы. От Мервана исходил родной, знакомый, пьянящий меня запах, запах дней, проведенных в Бейруте.

— Мерван, ты сражался в Шкифе?

— Да. А что?

— Ты знаешь Низара?

— Да, я его знаю.

Мерван помолчал, словно вспоминая судьбу своего товарища.

— Он был с нами в крепости.

— Да, я виделся с ним в Бейруте.

— Как так?

Мерван вскочил и радостно обнял меня.

— Он жив? Какая радость!

Пришла медсестра, сказала, что пять минут истекли, и вежливо попросила меня уйти. Я вымолил у нее еще минутку и спросил Мервана:

— Когда ты покинул крепость?

— Через три дня после ее падения.

Я удивленно посмотрел на него, не зная, что сказать. Медсестра продолжала торопить меня. А Мерван смотрел на меня радостно и влюбленно. Улучив еще несколько мгновений, я договорился с Мерваном о времени встречи.

До этой встречи я много думал об этом палестинском юноше. Как же он сумел уйти из захваченной крепости и где провел эти дни?

В тот день, отправляясь по заданию редакции на позиции, я решил про себя, что, пожалуй, на этот раз не буду делать никаких интервью, а посвящу поездку, так сказать, сбору общих впечатлений. Однако не успели мы приехать на передовую в район Суллам Хальда — Факультет естественных наук в южном пригороде Бейрута, как все: журналисты, фотокорреспонденты, кинооператоры — разбрелись кто куда со своими блокнотами, фото- и кинокамерами, смешавшись тут же с бойцами, и мне не оставалось ничего другого, как последовать их примеру. Я выбрал группу, укрывавшуюся за земляной насыпью в тени деревьев.

Поначалу разговор зашел, конечно, о том, удастся ли израильтянам, осадившим Бейрут, войти в город. Неподалеку разорвался снаряд. Никто даже и глазом не повел в ту сторону, только я. Потом один из бойцов — видимо, из солидарности со мной — тоже покосился в сторону взрыва:

— Стреляйте, стреляйте, гады, все равно впустую...

Отсюда нам было отчетливо видно, как израильские самолеты бомбят жилые кварталы Бейрута. Столбы густого дыма поднялись над городом.

— По лагерям бьют,— сказал кто-то.

— Не только,— отозвался другой.— Видишь, вон там дым? Похоже, это в квартале ар-Рамля аль-Бейда, а может, на набережной Мазраа.

— Ничего,— вступил в разговор третий,— все равно всех не уничтожат! Мы, как трава: чем чаще ее косишь, тем гуще растет.

— Так ведь если б они хоть дрались по-настоящему, не обидно бы было,— в сердцах проворчал первый.— А то, подумаешь, герои! Самолетами да танками против мирных жителей... Сюда-то, небось, не рискуют соваться, сволочи!

На глаза его набежали злые слезы. Остальные неловко замолчали. Тягостная пауза. Чтобы как-то разрядить атмосферу, поспешно говорю:

— А вы слыхали про крепость Шкиф? Ох, и геройски же там наши дрались! Даже израильское радио и то в своих последних известиях восьмого июня признало, что крепость сражалась геройски.— Сердитый боец широко улыбнулся, глаза его, еще влажные от слез, сверкнули, и, обернувшись, он крикнул:

— Низар! Эй, Низар, подойди-ка на минутку!

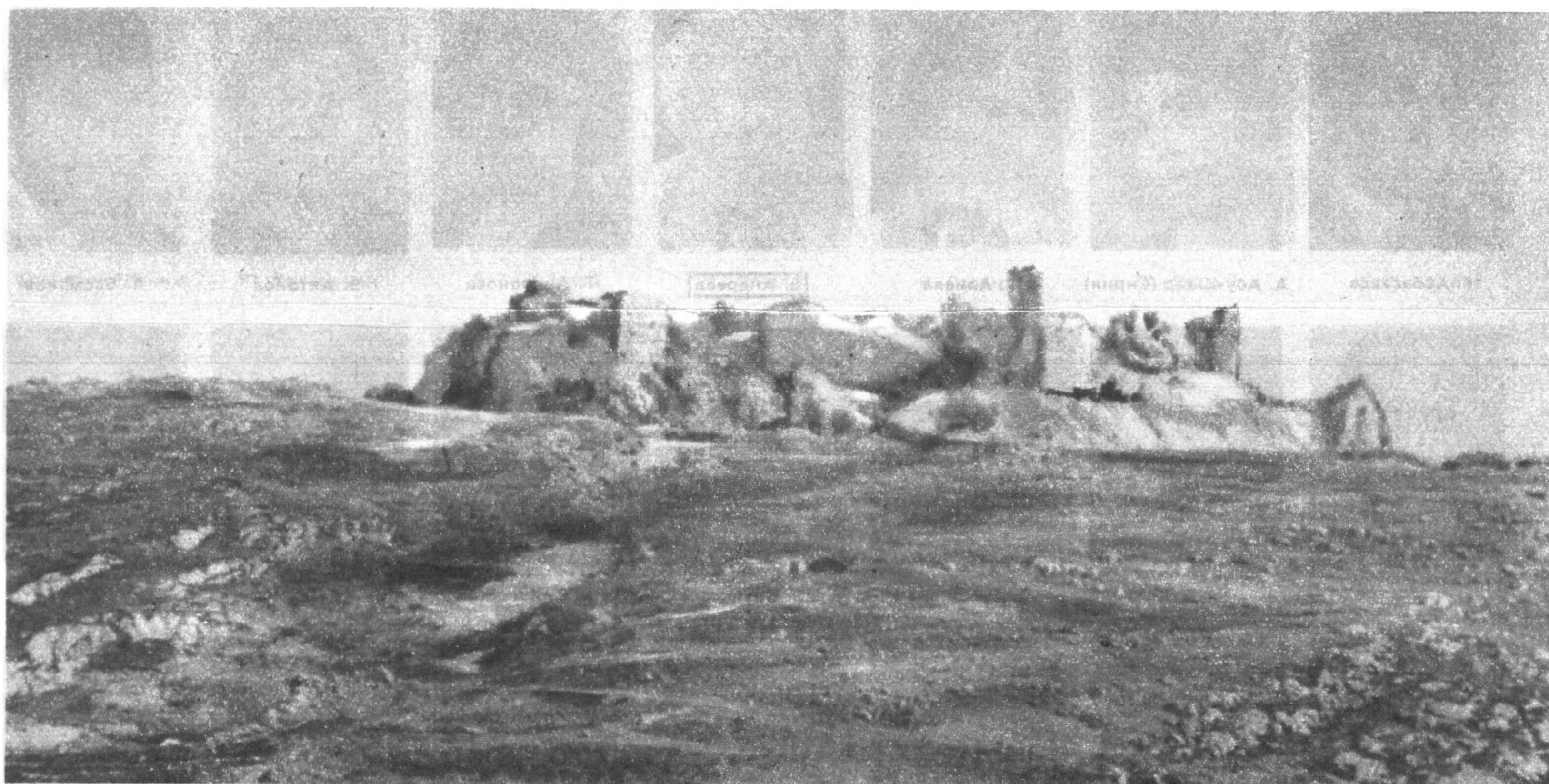
Стоявший неподалеку боец неторопливо подошел к нам. С автоматом, за поясом — магазины с патронами. Сердитый хлопнул его по спине:

— Вот, пожалуйста, один из героев Шкифа!

Я не поверил своим ушам. Как?! Ведь сообщалось, что защитники крепости погибли все до одного. Неужели кому-то удалось спастись? Не давая мне опомниться, другой боец огорошил меня снова:

— Можно сказать, единственный из защитников крепости, кто уцелел.

Передо мной стоял смуглый, худощавый, высокий парень с открытым, почти детским лицом. Покраснел, перебросил автомат с одного

Крепость Шкиф (Бофор). **Фото В. Ковната**

плеча на другое и, смутившись, потупился, будто ему было неловко за то, что не погиб вместе с другими.

— Это правда, что ты был в Шкифе? — все еще недоверчиво спросил я.

— Правда.

— Как тебя зовут?

— Низар Халиль Иса.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать один.

— Палестинец?

— Нет, ливанец.

Невероятно! Просто немыслимо себе представить, чтобы этот скромный, почти робкий с виду парнишка сражался как герой! Ну, ладно, допустим. Но как ему удалось выбраться? Как он сумел выскользнуть из осажденной на юге крепости, пройти через территорию, занятую врагом, как добрался до Бейрута?

— Во-о-оздух! — раздалось из соседнего окопа.— Ра-а-азойтись!

Бойцы разбежались по окопам. Я оказался вместе с Низаром и тем сердитым малым, который меня с ним познакомил.

— Не дрейфь,— сказал сердитый.— Сюда они бить не будут.

НЕБОЛЬШАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Шкиф, или Бофор, как называют ее израильтяне,— старинная крепость на юге Ливана, построенная еще в десятом веке, расположенная в нескольких километрах от города Набатия в Южном Ливане на холме высотой в триста шестьдесят метров на берегу реки Литани. Крепость эта стратегически господствует над северными районами оккупированной Палестины. На протяжении истории крепость Шкиф не раз выдерживала осаду завоевателей: в 1195 году ее осаждали крестоносцы, в 1618 — войска турок-османов. Она сыграла важную роль в борьбе ливанских эмиров против турецких султанов, так как была прибежищем ливанских патриотов. После установления мандатного режима Шкиф стала базой французской армии, а после достижения независимости была объявлена памятником старины. В середине семидесятых годов крепость снова стала военной базой ливанской армии, фалангистов и их союзников. В мае 1976 года, когда ливанская армия раскололась на патриотов и израильских наймитов, офицер-патриот Ахмед аль-Хатыб освободил крепость от сепаратистов. Тогда же из Набатии к крепости направилась демонстрация, приветствовавшая это событие. С тех пор крепость превратилась в опорный пункт объединенных палестинско-ливанских сил. Здесь находились батареи дальнобойной артиллерии для обстрела района Верхней Галилеи в Израиле. В 1978 году во время израильского вторжения на юг Ливана крепость неоднократно подвергалась жестоким бомбардировкам с воздуха, в результате чего серьезно пострадали многие постройки. С тех пор крепость постоянно обстреливали с моря и бомбили с воздуха. В крепости имеется много подземных ходов, некоторые из них, как говорят, выводят к реке Литани и населенным пунктам Куфрар-Руммани, Набатии. Входы в них найти трудно.

II

РАССКАЗ НИЗАРА

Рано утром пятого июня нас разбудил вой самолетов, кружащих над крепостью. Вскочили, кинулись, одеваясь, к орудиям, и тут как раз разорвалась первая ракета. Трое наших погибло, нескольких слегка ранило. За первой — вторая, потом — третья, а потом посыпались, как горох. К счастью, мы успели разбежаться и укрыться под стенами крепости, в окопах. А было нас в крепости в тот день человек сорок — пятьдесят, точно не скажу, потому что число бойцов постоянно менялось. То и дело уходили на партизанские операции или в пограничную полосу на юге, которую контролирует милиция предателя Саада Хаддада, или шли через границу, в Израиль. В крепости были бойцы из разных отрядов Палестинского сопротивления и Национально-патриотических сил.

Я кое с кем из ребят укрылся в окопчике у северной стороны. Самолеты — а это были в основном «Ф-16», «Ф-15» и «скайхоки» — заходили на бомбежку то группами, то по одному. Этакая озверелая металлическая громадина мчится на тебя, сверкая, как молния... Выбрасывает из-под крыла черную длинную ракету... Ззз-ззз... Свистит ракета, с воем взмывает вверх самолет — и взрыв! Кидаемся на землю, разеваем рты, затыкаем уши... На какое-то мгновение будто уходим из жизни... Потом очнемся — кругом черно от дыма и пыли, пахнет пороховой гарью. Начинаем перекликаться:

— Эй, вы, живы там?

— Порядок!

Потом по рации переговариваемся с остальными... И так от окопа к окопу. Все целы, настроение бодрое...

Не успеет один налет кончиться, а они уже снова тут как тут. Минут десять передышки между налетами, не больше. Вначале бомбили стены крепости, а потом налеты усилились, и стали бомбить также главное строение. А у нас против самолетов какое оружие? Пара зениток тридцать седьмого калибра да упорство. Твердо решили: будем стоять до конца. Отобьемся во что бы то ни стало. Выходят ребята по очереди к зениткам и лупят по самолетам в бессильной злобе. Не выдерживаем и мы в окопах, выскакиваем, даем очереди из автоматов. Да куда там! Попробуй достань его, когда зенитка выше чем на две тысячи метров не стреляет. И все-таки под вечер ухитрились-таки даже нашим скромным оружьицем сбить один «скайхок». Сами, своими глазами видели, как запылал и рухнул где-то там, возле Набатии.

Повеселели мы. Стали уже посмелее между окопами передвигаться. Да и присмотрелись за день сплошной бомбежки, уже и опыт коекакой появился, соображать быстрее стали, как понадежней укрываться. Оружие-то все легкое — ружья, противотанковые гранатометы, минометы, автоматы, гранаты да взрывчатка, вот, пожалуй, и все.

К вечеру к бомбежкам еще и обстрел из дальнобойных орудий прибавился. Огонь, дым, взрывы — кромешный ад, да и только. Но держимся, не унываем. Когда стемнело, стали они кидать осветительные бомбы. Но мы и тут приспособились — принялись сбивать их из автоматов. Только она над головами зависнет — мы ее тут же и накроем. Самолет прилетает, а что бомбить — не поймет. Вот и сбрасывает свои ракеты куда попало, все больше мимо, до нас только взрывы доносятся. Даже поспать в ту ночь хоть немного, да удалось. По очереди спали, на артобстрел уже и внимания никто не обращал.

Но с первыми лучами солнца начался кошмар: ракеты и артснаряды посыпались на нас градом. С воздуха, с суши, с моря, где швартовались морские катера. К уже знакомым нам «скайхокам» и «фантомам» добавились теперь военные бронированные вертолеты. Вот тут мы уже по-настоящему поняли, что дело серьезно. Все ясно: они решили захватить крепость. Выработали мы свой план обороны, укрепили позиции по периметру крепости, распределили бойцов по позициям. В тот день наши зенитчики сбили два вражеских вертолета.

Перевел с арабского
Д. МИКУЛЬСКИЙ.

Продолжение следует.

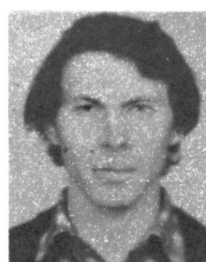

Г. Аббасзаде

А. Абу-Шаар (Сирия)

Ф. Алиева

Б. Андреев

Т. Андронова

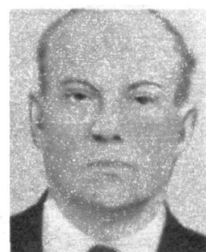

В. Антонов

А. Басманов

А. Гостев

М. Дудин

Е. Дыминская

О. Новицкий

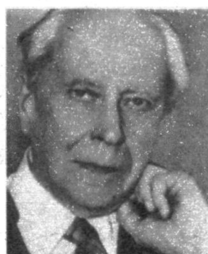

В. Енишерлов

Б. Ефимов

Жале

Н. Крылова

Л. Леров

Д. Лихачев

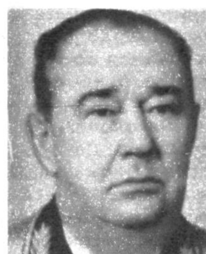

Ю. Лощиц

М. Любомудров

А. Маслов

Ф. Медведев

И. Павловский

Г. Передельский

М. Петрова

И. Пирогова

А. Попов

М. Поспелов

Н. Прожогин

Ц. Солодарь

М. Танк

М. Упеник

Фаиз А. Фаиз (Пакистан)

Л. Филатов

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1982 ГОД

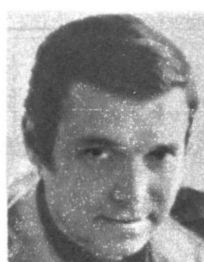
Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями и грамотами лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение года:

Г. Аббасзаде — «Дверной молоток» (№ 4), рассказ; А. Абу-Шаар (Сирия) — «Песни борьбы и надежды» (№ 19), стихи; Ф. Алиева — «Перевалы дней» (№ 49), стихи; Б. Андреев — «Истины творчества» (№ 22), статья; Т. Андронова — «День давний и день ближний» (№ 14), стихи; В. Антонов — «Живодеры» (№ 15), фельетон; А. Басманов — «Легкая кисть Фрагонара» (№ 17), статья; Х. Бидструп (Дания) — карикатуры (№ 36); Ю. Боксерман — «Газ — трубы...» (№ 4), статья; Л. Васильева — «Книга об Отце» (№№ 41—46, 48—52), роман-воспоминание; С. Власов — «Как быть с жар-птицей?» (№ 33), статья; И. Гаврилов — «Вахта за Полярным кругом» (№ 14), фотоочерк; И. Глазунов — иллюстрации к 12-томному собранию сочинений Ф. М. Достоевского (приложение к журналу «Огонек»); Л. Голованов — «Электричество жизни» (№ 8), статья; А. Гостев — «Широко шагает Азербайджан!» (№ 31), цветная вкладка; М. Дудин — «У жизни на посту» (№ 18), стихи; Е. Дыминская, О. Новицкий — «Их объединяла одна судьба» (№ 31), очерк; В. Енишерлов — «Мир Елены Ахвледиани» (№ 14), статья; Б. Ефимов — серия политиче-

Х. Бидструп (Дания)

Ю. Боксерман

Л. Васильева

С. Власов

И. Гаврилов

И. Глазунов

Л. Голованов

В. Захарченко

И. Зильберштейн

А. Иванов

А. Карелин

В. Карпов

В. Ковнат

Г. Копосов

М. Митаров

В. Митин

А. Моравиа (Италия)

Т. Наджи (Палестина)

В. Ольшевский

А. Орехов

С. Островой

Ю. Прокушев

Р. Рождественский

А. Романов

В. Самошкин

М. Самсонов

Н. Скатов

Н. Соколов

С. Флор

К. Хайнал (Венгрия)

Н. Храброва

С. Шерипов

О. Шмелев

М. Щукин

С. Ямщиков

ских карикатур; Жале — «Если лодка моя...» (№ 8), стихи; В. Захарченко — «Когда подходят сроки» (№ 33), стихи; И. Зильберштейн — «Золотой юбилей «Литературного наследства» (№ 32), интервью; А. Иванов — «Повесть о несбывшейся любви» (№№ 32—35); А. Карелин — «Дороги от Яров-Клина» (№ 28), статья; В. Карпов — «Натянутый шнур» (№ 19), рассказ; В. Ковнат — серия репортажей с Ближнего Востока; Г. Копосов — «Бросок через Карпаты» (№ 42), 1-я обложка и фоторепортаж; Н. Крылова — «Таблица умножения по-болгарски» (№ 36), очерк; Л. Леров — «Война, мир, возрождение» (№ 27), очерк; Д. Лихачев — «Память истории священна» (№ 29), интервью; Ю. Лощиц — «Феномен Гончарова» (№ 27), статья; М. Любомудров — «Проблемы классики» (№ 31), статья; А. Маслов — «Вечный огонь памяти» (№ 25), цветная вкладка; Ф. Медведев — «Верность соснам нарочанским» (№ 37), статья; М. Митаров — «Судьба абрикосового дерева» (№ 16), поэма; В. Митин — «Обжалованию не подлежит...» (№ 19), фельетон; А. Моравиа (Италия) — «Паразит» (№ 45), рассказ; Т. Наджи (Палестина) — «И имя этому — фашизм» (№ 40), интервью; В. Ольшевский — «Александр Кибальников» (№ 34), статья; А. Орехов — серия карикатур; С. Островой — «Не устану у земли учиться» (№ 45), стихи; И. Павловский — «Бои, вошедшие в легенду» (№ 30), статья; Г. Передельский — «Артиллеристы» (№ 34), интервью; М. Петрова (Пинкисевич) — иллюстрации к повести А. Иванова «Повесть о несбывшейся любви», повести О. Шмелева «Три черепахи» и повести Л. Васильевой «Книга об Отце»; И. Пирогова — «Факты и судьбы» (№ 41), статья; А. Попов — «Вахта за Полярным кругом» (№ 14), очерк; М. Поспелов — «Судьба Валаама» (№ 8), очерк; Н. Прожогин — «Ренато Гуттузо» (№ 6), статья; Ю. Прокушев — «Жизнь и смерть «делового человека» (№ 3), статья; Р. Рождественский — «Ожидание» (№ 2), поэма; А. Романов — «Солнце над солдатским лугом» (№ 51), рассказ; В. Самошкин — «Кадры из жизни Иона Попеску-Гопо» (№ 34), интервью; М. Самсонов — «Митрофан Греков» (№ 38), статья; Н. Скатов — «Уроки словесности» (№№ 14,15), статья; Н. Соколов — «Наш американский друг» (№ 23), статья; Ц. Солодарь — «Фарисеи» (№№ 40—44, 46, 49), очерк; М. Танк — «В ритме сердца» (№ 37), стихи; М. Упеник — «Мой Азербайджан» (№ 13), стихи; Фаиз А. Фаиз (Пакистан) — «Я посвящаю эти строки...» (№ 29), стихи; Л. Филатов — «Футбол на виду» (№ 39), статья; С. Флор — «Претенденты известны» (№ 43),. статья; Т. Форшоу (Австралия) — «Демонстрация» (№ 18), рассказ (портретом автора редакция не располагает); К. Хайнал (Венгрия) — «Признание в любви» (№ 24), статья; Н. Храброва — «Два времени — два закона» (№ 40), очерк; С. Шерипов — «Секретарь райкома» (№ 26), очерк; О. Шмелев — «Три черепахи» (№№ 12—23), повесть; М. Щукин — «Неподсудное дело» (№ 16), очерк; С. Ямщиков — «О людях увлеченных и красоте вечной» (№ 24), очерк.

По материалам зарубежной печати

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

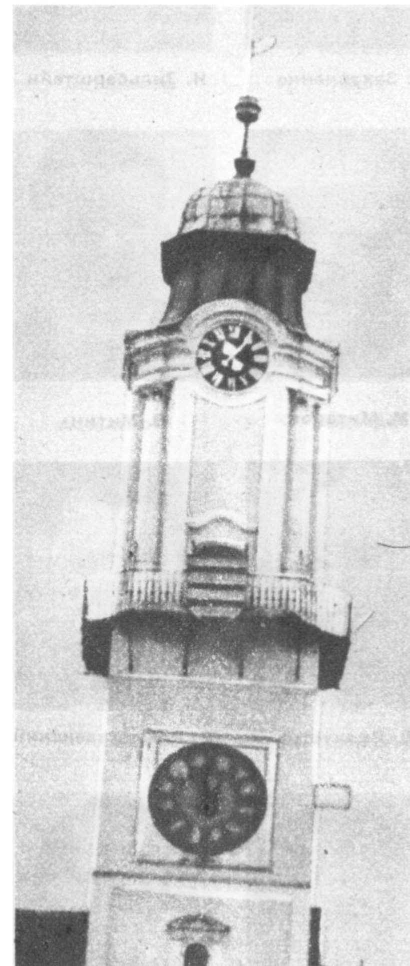
Складной автомобиль

Показанный на снимке сборный автомобиль, возможно, не вызовет восхищения своим внешним видом. Однако французский самоучка Роберт Беноит, который его проектировал, утверждает, что изящная линия кузова нужна только снобам, автомашина же прежде всего должна быть практична. Главным преимуществом его модели является то, что ей практически не нужно место на стоянке: ее просто можно сложить. При этом машина размером 180×70 сантиметров, развивающая скорость до 60 километров, занимает площадь немногим больше половины квадратного метра.

Учебное пособие — зонтик

Как научиться распознавать на ночном небосводе хотя бы самые основные планеты, звезды, созвездия? Для не посвященных в тайны астрономии парижский «Дом астрономии» предлагает оригинальное учебное пособие. На внутренней поверхности обычного зонтика, которым пользуются в дождливую погоду, воспроизведена картина небесного свода, соответствующая видимой обычно в средних широтах. В ясную звездную ночь этот зонтик можно использовать в познавательных целях. Нацелившись острием ручки зонтика в Полярную Звезду, вращают зонтик до совмещения изображенной на его внутренней поверхности картины с видимой на ночном небосклоне. А затем уже не составляет труда определить, как называются те или иные небесные тела.

Геотермальная кухня

Вулканический остров Хоккайдо славится своими геотермальными источниками. Так как Япония крайне бедна энергетическими ресурсами (например, нефть только импортируется), то японцы охотно пользуются даровой энергией. Вырывающиеся из-под земли струи горячего пара используются местными жителями для бытовых нужд. Можно вскипятить воду, приготовить суп. Ну, а яйца варят прямо в корзинах.

Скелеты острова Пасхи

Вот уже довольно длительное время ведутся нескончаемые дебаты: кто были первые поселенцы острова Пасхи? Совсем недавно возникла надежда на решение этого вопроса. Дело в том, что антрополог Хилл из университета штата Вайоминг (США) обнаружил на острове 308 скелетов доисторической эпохи. Скелеты были найдены в подземных пещерах и под некоторыми из знаменитых каменных статуй.

Открытие наделало много шума, в результате чего скелеты начали исчезать. Хилл собрал все же достаточно черепов, чтобы установить антропологически, что черепа эти принадлежат доисторическим полинезийцам. Открытие Хилла, казалось, поколебало теорию Тура Хейердала, который полагал, что первыми поселенцами острова Пасхи были индейцы Южной Америки. Теорию Хейердала подкрепляло много веских аргументов, например, один из них: жители острова имели привычку, как и перуанцы, прокалывать мочку уха и вдевать в нее довольно увесистые украшения, так что мочка значительно удлинялась.

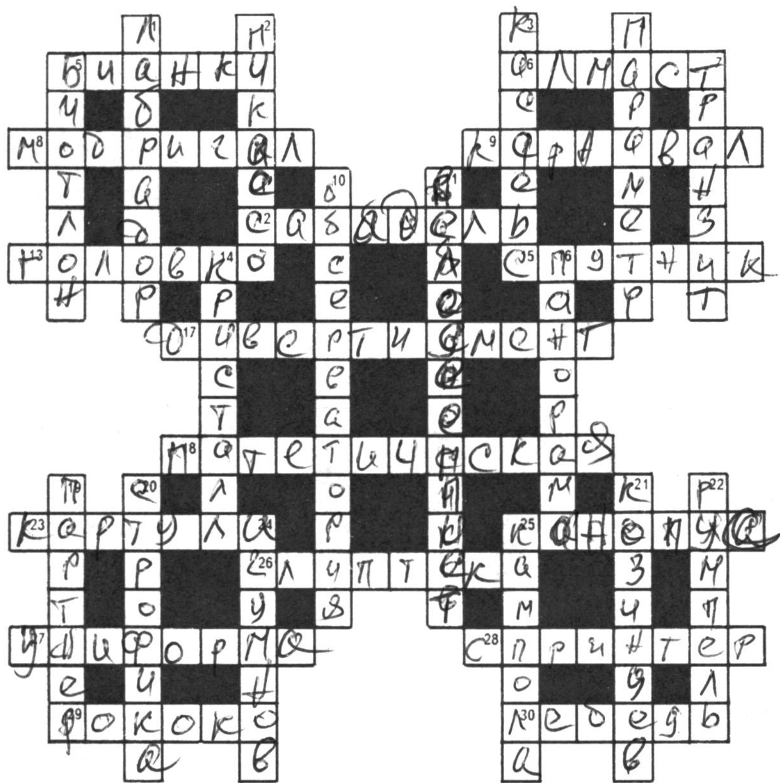
Однако оказывается, что полинезийцы и южноамериканские индейцы имеют общую восходящую линию родства — азиатскую, а поэтому возможно, что в доисторическую эпоху разница между ними не была так уж существенна, то есть те черты полинезийцев, которые Хилл определил на этих неандертальских черепах, точно так же можно обнаружить и на черепах доисторических южноамериканцев. Поэтому Хилл отправился в Перу, чтобы отыскать там черепа индейцев и сравнить их с найденными на острове Пасхи.

У Пизанской башни есть соперницы

Знаете ли вы, что знаменитая кампанила в итальянском городе Пиза — далеко не единственная в мире «падающая» башня? В самой Италии у нее еще есть соперницы — в Болонье и Модене. Есть «падающие» башни в польском городе Забковице, шведском Готланде, испанской Сарагосе, швейцарском Санкт-Морице, в Ульме и Люнебурге (ФРГ). Знатокам архитектуры известны «падающие» башни и в СССР — в Казани и Невьянске (Свердловская область).

Однако больше всех «повезло», пожалуй, Чехословакии, которая славится обилием старинных замков. Только на территории Словакии находится десять «падающих» башен. Одну из них, в городе Иванка-при-Нитре, вы видите на снимке. Ее отклонение от вертикали — полтора метра (у Пизанской башни — около пяти метров).

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Детский писатель, автор «Лесной газеты на каждый год». 6. Опера А. А. Спендиарова. 8. Небольшое стихотворение-комплимент. 9. Народное гулянье-маскарад с танцами, играми. 12. Город текстильщиков в Испании. 13. Украинский советский писатель. 15. Бюро международного молодежного туризма. 17. Сюита из балетных номеров. 18. Симфония П. И. Чайковского. 23. Грузинский народный танец. 25. Вторая по блеску звезда всего неба. 26. Искусство резьбы на драгоценных камнях. 27. Одетый в специальные костюмы персонал, обслуживающий арену в цирке. 28. Спортсмен, бегун на короткие дистанции. 29. Архитектурный и декоративный стиль в XVIII веке. 30. Северное созвездие.

По вертикали: 1. Минерал, поделочный камень. 2. Французский живописец XX века. 3. Испанский виолончелист, дирижер, создавший ораторию «Гимн миру». 4. Величина, характеризующая основное свойство процесса, системы, машины. 5. Вид зимнего спорта. 7. Перевозка пассажиров и грузов через промежуточные пункты. 10. Научное учреждение для астрономических исследований. 11. Один из героев пьесы В. В. Маяковского «Баня». 14. Твердое вещество, имеющее естественную форму многогранника. 16. Большая картина с объемным первым планом. 19. Участник в парном танце, в спортивных играх. 20. Раздел стиховедения. 21. Кинорежиссер, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 22. Рычаг для поворота руля на малых судах. 24. Пианист, народный артист СССР. 25. Столица государства в Восточной Африке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали: 8. Карибу. 9. Митрич. 10. «Работница». 11. Сеялка. 12. Луидор. 13. Вертикаль. 16. «Шинель». 18. Арагац. 20. Ортопед. 23. Обелиск. 25. Веймар. 28. Сатурн. 30. Голомянка. 32. Чудово. 33. Звезда. 34. Лущильник. 35. Петёфи. 36. Иберис.

По вертикали: 1. Каденция. 2. Лиелупе. 3. Журавль. 4. Патти. 5. Смальта. 6. Отливка. 7. Виноград. 14. Тинторетто. 15. Композиция. 17. Любаша. 19. Рувума. 20. «Окно». 21. Диск. 22. Геркулес. 24. Праздник. 26. Миномет. 27. Реголит. 28. Сказкин. 29. Тетерев. 31. Муляж.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Абсолютная чемпионка мира по гимнастике Оля Бичерова.
(См. в номере материал «В гостях у чемпионки».)

Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Зимние этюды.
Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

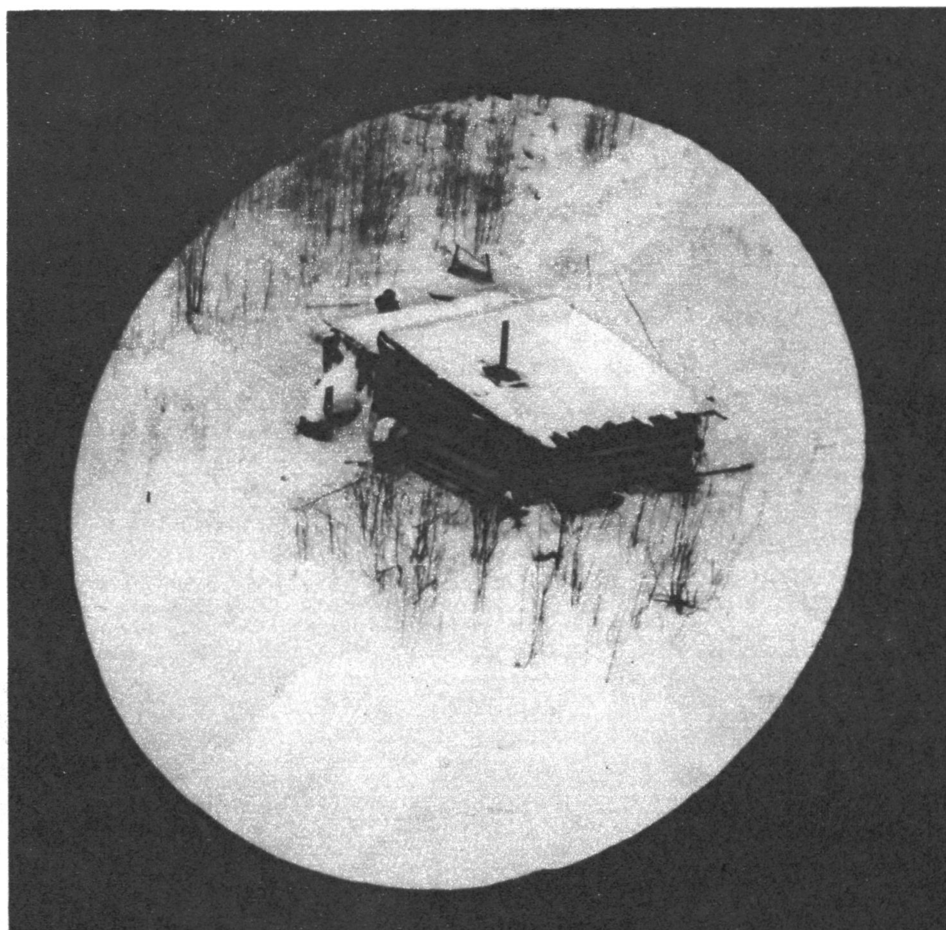
Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 13.12.82. Подписано к печати 28.12.82. А 00450. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 3. Заказ № 3507.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Зимовье с птичьего полета. **Фото Э. ЭТТИНГЕРА**

С ДОБЫЧЕЙ!

И когда протаяло в иллюминаторе маленькое светлое пятнышко, внизу увидели: белые вилюжины речки, круглые блюдца озер и бескрайняя тайга, прокаленная сорокаградусным морозом, обметанная куржаком и похожая сверху на волчью шкуру. Трудяга-«Аннушка» держала курс на север, на самый край Томской области, в село Новый Васюган.

Оно показалось неожиданно. Над домами, уютно закутанными в сугробы, прямыми столбами поднимались дымы из труб, и были они розовыми от утреннего солнца. Несколько минут ходьбы от маленького аэропорта, и вот мы уже сидим в жарко натопленной конторе Васюганского коопзверопромхоза.

— Так и живем,— улыбаясь, рассказывает директор Илья Иванович Карепов,— кругом тайга, а мы посередине.

Жизнь васюганцев без тайги немыслима. Здесь они заготавливают грибы, ягоды, собирают лекарственные растения, ловят рыбу, но главное занятие все-таки — охота. Каждый год в октябре, по первым заморозкам, 36 охотников-промысловиков уходят в тайгу. Там, на зимовье, за многие километры от поселка, им предстоит провести несколько месяцев.

...Маленькая избушка, покрытая снегом, железная печурка в ней, керосиновая лампа на дешевом столе, рация и радиоприемник. Быт у охотников-промысловиков суровый. И в нем нет ничего лишнего. Но случается иногда, что его нарушают непрошеные гости. В начале зимы к охотнику Владимиру Малинину заявился сам топтыгин, хозяин этих мест. Перевернул все вверх тормашками, полакомился крупой и хлебом, даже попробовал на зуб радиоприемник и убрался восвояси.

— А я как раз капканы проверял,— с улыбкой вспоминает Владимир.— Возвращаюсь и вижу, что гость был. Развел руками и, делать нечего, давай наводить порядок.

В свои тридцать с небольшим Владимир — человек бывалый. В прошлом году он стал одним из лучших охотников-промысловиков Томской области. А первое место занял его товарищ Александр Михневич. Александр родом из здешних мест и с тайгой, с охотой связан с детских лет. «Как с отцом в первый раз за деревню вышел, так до сих пор не могу успокоиться, все по тайге бегаю».

На зимовье к Александру Михневичу нас забросили вертолетом. С недавних пор авиация для охотника стала первой помощницей. Вот и в тот раз в мешках выгрузили для Александра патроны, хлеб и гостинец от матери — домашние пельмени. А улетая назад, забрали с собой Жучку. Небольшая черная лайка, пригнув голову от метели, поднятой пропеллером вертолета, несколько раз оглянулась на избушку. Наверное, понимая, что ей сюда больше не вернуться.

— Старая стала,— с сожалением говорил Александр,— плохо за зверем идет. Вот и отправляю домой, на пенсию. Свое отработала, теперь на законный отдых.

...Рано наползают на Новый Васюган декабрьские сумерки. И тогда главный охотовед коопзверопромхоза Владимир Зайцевский, глянув на часы, скажет: «Пора, кричат «Карты». Значит, пора выходить на связь с работниками, позывные которых «Карта». «Карта-1», «Карта-2»... Короткий деловой разговор, и долгожданное известие о прилете вертолета. Перед Новым годом охотники-промысловики возвращаются домой. Сдадут пушнину, встретят праздник в семейном кругу и дней через десять снова уйдут в тайгу, теперь уже до весны.

М. ЩУКИН,
собкор «Огонька»

Сдача пушнины.

Связь с охотниками по рации.

Вертолетом к таежному домику.

Рис. К. Рыбалко

Рис. С. Богачева

— А это я дарю новоселам верхних этажей...

Рис. В. Тамаева

Рис. Н. Латыпова

На прогулку...

Индекс 70663

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.